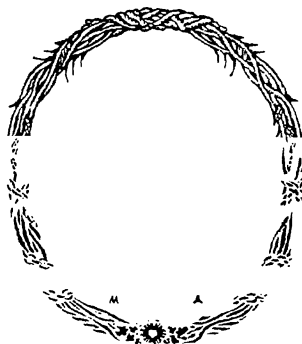

БОБРОНИШ БОТЛИКЕНІІ

Ө Е Д О Р А
С О Л О Г У Б А

Ж. ІІІ

ИЗД. 6

ШИПОВНИКЪ

Б. П. Б.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

С Т И Х И

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

Типографія „Т-ва Андерсона и Лойцянского“, СПб., Вознесенскій пр., 53.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

С Т И Х И

ОТЪ АВТОРА.

Въ этой книгѣ собраны нѣкоторыя изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1884 — 1898 годахъ. Одно изъ нихъ, «Аріадна», печатается въ первый разъ.

По нѣкоторымъ соображеніямъ я не рѣшился расположить эти стихи въ хронологическомъ порядкѣ, и не раздѣлилъ ихъ на отдѣлы; я ограничился тѣмъ, что размѣстилъ ихъ въ порядкѣ, который для внимательнаго читателя покажется не случайнымъ.

Ноябрь 1909 г.

Гдѣ ты дѣлась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Гдѣ твоя благоуханная,
Чистымъ свѣтомъ осіянная,
Радость взоровъ, нагота?

Хоть бы въ дымкѣ сновидѣнія
Ты порой явилась мнѣ,
Хоть бы поступью видѣнія
Въ краткій часъ уединенія
Проскользнула въ тишинѣ!

Чиста любовь моя,
Какъ ясныхъ звѣздъ мерцанье,
Какъ плескъ нагорнаго ручья,
Какъ бѣлыхъ розъ благоуханье.

Люблю одну тебя,
Невѣдомая дѣва,
Невинной страсти не губя
Позоромъ ревности и гнѣва.

И знаю я, что здѣсь
Не быть съ тобою встрѣчѣ:
Твоя украшенная весъ
Отъ здѣшнихъ темныхъ мѣстъ далече.

А мой удѣлъ земной—
Въ томленьяхъ и скитаньяхъ,
И только нѣжный голосъ твой
Ко мнѣ доносится въ мечтаньяхъ.

Морозная свѣтлая даль,
И низкое солнце, и звѣзды въ снѣгу...
Несутъ меня сани. Забыта печаль.
Морозныя грезы звенять надо мной на
бѣгу.
Открытое поле все бѣло и чисто кругомъ.
Раскинулось небо широкимъ и синимъ
шатромъ.
Я вспомнить чего-то никакъ не могу,
Но что позабылось, того и не жаль.
Пуста и безлюдна морозная даль.
Бѣгутъ мои кони. Ямщикъ мой поетъ.
Деревни дымятся вдали...

Надо мною несется мечта и зоветъ...
Плещутъ волны, летятъ корабли...
Разсыпается дѣвичій смѣхъ перекатной
волной...
Ароматная ночь обаяла своей тишиной...

Я не спалъ,—и звучало
За рѣкой,
Трепетало, рыдало
Надо мной.

Это пѣла русалка,
А не ты.
И былого мнѣ жалко,
И мечты.

До зари недалекой
Какъ заснуть!
Вспоминалъ я жестокой,
Долгій путь.

А русалка смѣялась
За рѣкой,—
Нѣтъ, не ты издѣвалась
Надо мной.

Покрыла зелень ряски
Пустынный, старый прудъ,—
Я жду, что оживуть
Осмѣяння сказки:

Русалка приплыветъ,
Подыметъ, нагая,
Изъ сонной глади водъ
И запоетъ, играя

Зеленою косою,
А въ омутѣ глубокомъ
Сверкнетъ огромнымъ окомъ
Ревнивый водяной...

Но тихо дремлетъ ряска;
Вода не шелохнетъ,—
Прадѣдовская сказка
Во-вѣкъ не оживетъ...

На лбу ея денница
Сіяла голубая,
И поясомъ зарница
Была ей золотая.

Она къ землѣ спускалась
По радугѣ небесной,
И въ міръ оставалась
Блаженно-неизвѣстной.

Но захотѣла власти
Надъ чуждыми тѣлами,
И нашей буйной страсти
Съ тоской и со слезами.

Хотѣлось ей неволи
И грубости лобзаній,
И некомфѣрной боли
Безстыдныхъ истязаній,—

И въ темныя, плотскія
Облекшися одежды,
Лелѣяла земныя,
Коварныя надежды.

И жизнь ея влачилась
Позоромъ и томленьемъ,
И смерть за ней явилась
Блаженнымъ избавленьемъ.

На песокъ прихотливыхъ дорогъ
Отъ зари догорающей свѣтъ
Озарилъ, расцвѣтилъ чьихъ-то ногъ
Тонкій слѣдъ...

Можетъ быть, здѣсь она проходила,
Оставляя слѣды на песокъ,
И помятый цвѣтокъ проносила
На рукѣ.

Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась,
И далекому, тайному звуку
Отдалась.

Тосковали на нѣжной ладони
Молодой, но жестокой руки
По своей ароматной коронѣ
Лепестки...

Молодою и чуждой печалью
Не могу я души оживить,
И того, что похищено далью,
Воротить.

Мнѣ объ ней ничего не узнать,
Для меня обаянія нѣтъ.
Что могу на землѣ различать?
Только слѣдъ.

Молода и прекрасна,
Безнадежно больна,
Смотрить на землю ясно
И безстрастно луна.

Отуманились дали,
И тоскуетъ земля,
И росю печали
Оросились поля.

Простодушные взоры
Подымаетъ жена
На лазурныя горы,
Гдѣ томится луна.

Что не спать, и не дремлетъ,
Все скорбитъ о лунѣ,
И лучамъ ея внемлетъ
Въ голубой тишинѣ.

Но не плачеть напрасно
Золотая луна,
Молода и прекрасна,
И смертельно больна.

Умирая не плачеть,
И уносится вдаль,
И за тучею прячеть
Красоту и печаль.

Туманъ не рѣдѣеть,
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце вѣетъ
Печаль.

Съ заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый къ труду,
Дорогой привычной
Иду.

Блѣдна и сурова,
Столица гудитъ подѣ туманною мглой,
Какъ моря сѣдого
Прибой.

Изъ тьмы выростая,
Мелькаеть и вновь уничтожиться въ ней
Торопится стая
Тѣней.

Короткая радость сгорѣла,
И снова и грустенъ и нищъ,
И снова блуждаю безъ дѣла
У чуждыхъ и темныхъ жилищъ.

Я пылъ вдохновенья ночного
Больною душой ощущалъ,
Видѣнья изъ міра иного
Я свѣтлымъ восторгомъ встрѣчалъ.

Но краткая радость сгорѣла,
И городъ опять предо мной,
Опять я скитаюсь безъ дѣла
По жесткой его мостовой.

Запахъ асфальта и грохотъ колесъ,
Стѣны, камня и плиты...
О, если-бъ вѣтеръ внезапно донесъ
Шелестъ прибрежной ракушки!

Грохотъ на камняхъ и ропотъ въ толпѣ,—
Городъ не хочетъ смириться.
О, если-бъ вдругъ на далекой тропѣ
Съ милою мнѣ очутиться!

Ясныя очи младенческихъ думъ
Сердцу открыли-бы много.
О, этотъ грохотъ, и ропотъ, и шумъ,—
Пыльная, злая дорога!

Иду я влажнымъ лугомъ.
Томятъ меня печали.
Широкимъ полукругомъ
Развернутыя дали,

Безмолвіе ночное
Съ плѣнительными снами,
И небо голубое
Съ зелеными краями,—

Во всемъ покой и нѣга,
Лишь на сердцѣ тревога.
Далеко до ночлега.
Жестокая дорога!

Закрывая глаза, я цѣлую тебя,—
Безтѣлесенъ и тихъ поцѣлуй.
Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
Въ колыханьи тумана и струй.

Я плыву на ладѣ,—и луна надо мной
Подымаетъ печальный свой ликъ;
Я плыву по рѣкѣ,—и поникъ надъ рѣкой
Опечаленный чѣмъ-то тростникъ.

Ты неслышно сидишь, ты не двинешь
рукой,—
И во мглѣ, и въ сіяніи даль.
И не знаю я, долго-ли быть мнѣ съ тобой,
И когда ты мнѣ молвишь: причаль.

Этотъ призрачный лѣсъ на крутомъ
берегу,
И поля, и улыбка твоя—
Безтѣлесное все. Я забыть не могу
Безконечной тоски бытія.

Подъ холодною властью тумана,
Передъ хмурой угрозой мороза,
На цвѣткахъ, не поблекнувшихъ рано,
Безмятежная, чистая греза.

Съ изнемогшей душой неразрывны
Впечатлѣнья погибшаго рая,
И попрежнему нѣжно призывны
Отголоски далекаго мая.

Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навѣкъ останься легкой грезой,
Не воплощайся никогда,

Храни безмѣрныя надежды,
Звѣздой далекою свѣтись,
Чтобъ наши грубыя одежды
Вокругъ тебя не обвились.

Я отъ міра отрекаюсь,
Облекаюсь темной схимой,
И душою устремляюсь
Въ тотъ чертогъ недостижимый,

Гдѣ во мглѣ благоуханій,
Въ тихомъ трепетѣ огней,
Входитъ блѣдный рой мечтаній
Въ кругъ больныхъ и злыхъ тѣней,—

И къ сокрытому престолу
Съ необычными дарами
Мы подходимъ, очи долу,
Съ необутыми ногами,

И приносимъ жертву Богу,
Службу ясную поемъ,
Но къ завѣтному порогу
Человѣка не зовемъ.

АРИАДНА.

Сны внезапно отлетѣли...
Что-жъ такъ тихо все вокругъ?
Отчего не на постели
Съ нею милъ желанный другъ?

Смотрить, ищеть,—и рыдаетъ,
И понятно стало ей,
Что коварно покидаетъ
Обольщенную Тезей.

Мчится къ морю Ариадна,—
Бѣлъ и легокъ быстрый бѣгъ,—
И на волны смотреть жадно,
Голосящія о брегъ.

Легкимъ вѣяньемъ зефира
Увлекаемы, вдали,
Въ синемъ заревѣ эфира
Исчезаютъ корабли.

Парусъ черный чуть мелькаетъ,—
И за милымъ вслѣдъ спѣша,
Улетаетъ, таетъ, таетъ
Аріаднина душа.

Изъ міра чухлой ницеты,
Гдѣ жены плакали и дѣти лепетали,
Я улеталъ въ заоблачныя дали
Въ объятыхъ радостной мечты,
И съ дивной высоты надменнаго полета
Преображалъ я міръ земной,
И онъ сверкалъ передо мной,
Какъ темной ткани позолота.
Потомъ, разбуженный отъ грезъ
Прикосновеньемъ грубой жизни,
Моей мучительной отчизнѣ
Я неразгаданное несъ.

Для чего въ пустынь дикой
Ты возникъ, мой вешній цвѣтъ?
Безнадежностью великой
Безпощадный вѣтъ свѣтъ.

Нестерпимымъ дышитъ жаромъ
Лютый змѣй на небесахъ.
Покоряясь ярымъ чарамъ,
Міръ дрожитъ въ его лучахъ.

Милый цвѣтъ, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинокъ, --
Скоро вѣнчикъ ты уронишь
На сухой и злой песокъ.

Для чего среди пустыни
Ты возникъ, мой вешній цвѣтъ,
Если въ мірѣ нѣтъ святыни,
И надежды въ небѣ нѣтъ.

Этотъ сонъ—искуситель,
Онъ неправдою милъ.
Онъ въ мою роковую обитель
Черезъ тайныя двери вступилъ,—

И никто не замѣтилъ,
И не могъ помѣшать.
Я желаннаго радостно встрѣтилъ,
И онъ сказочки сталъ мнѣ шептать.

Расцвѣли небылицы,
Какъ весною цвѣты,
И зарѣяли вѣщія птицы,
И пришла, возжелѣнная, ты.

Этотъ сонъ—искуситель,
Онъ неправдою милъ.
Онъ мою роковую обитель
Безмятежной мечтой озарилъ.

Скоро солнце встанетъ,
Въ окна мнѣ заглянетъ,
Но не буду ждать,—
Не хочу томиться:
Утромъ сладко спится,—
Любо сердцу спать.

Раннею порою
Оконъ не открою
Первому лучу.
Съ грезю полночной,
Ясной, безпорочной,
Задремать хочу.

Дума въ грезѣ тонетъ.
На подушку клонить
Голову мою.
Предо мной дороги,
Рѣки и чертоги
Въ голубомъ краю.

Просыпаюсь рано.
Чуть забрезжишь свѣтъ,
Темно отъ тумана,—
Встать мнѣ или нѣтъ?
Нѣтъ, вернусь упрямо
Въ колыбель мою,—
Спой мнѣ, спой мнѣ, мама:
— Баюшки-баю!

Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
Въ колыбель мечта.
Не придетъ родная,—
Что жъ, и самъ спою,
Горе усыпляя:
— Баюшки-баю!

Сердце истомилось.
Какъ отрадно спать!
Горькое забылось,
Я—дитя опять,
Собираю что-то
Въ голубомъ краю,
И поетъ мнѣ кто-то:
— Баюшки-баю!

Бездыханно, ясно
Въ голубомъ краю.
Грезамъ я безстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьетъ мою.
Шепчетъ кто-то нѣжный:
— Баюшки-баю!

Наступаетъ томный
Пробужденья часъ.
День грозитъ темный,
Милый сонъ погасъ,
Начала забота
Воркотню свою,
Но мнѣ шепчетъ кто-то:
— Баюшки баю!

Запоздалый ѣздокъ на конѣ ворономъ
Подъ окошкомъ моимъ промель-
кнулъ.
Я тревожно гляжу,—но во мракѣ ноч-
номъ
Напряженный мой взоръ потонулъ.
Молодые березки печально молчать,
Неподвижны нѣмые кусты.
Въ отдаленіи быстро копыта стучать,—
Невозвратный, торопись ты.
Одинокое ложе ничѣмъ не согрѣть,
Безполезной мечты не унять.
Ахъ, еще-бы мнѣ разъ на тебя посмотрѣть!
Ахъ, еще-бъ ты промчался опять!

Ангельскіе лики,
Свѣтлое хваленье,
Дымъ благоуханій,—
У Творца-Владыки
Вѣчное забвенье
Всѣхъ земныхъ страданій.

Ангель вопрошаетъ:
— Блѣдный отрокъ, ты откуда?
Рано дни тебѣ наскучили.—
Отрокъ отвѣчаетъ:
— На землѣ мнѣ было худо.
Мать съ отцомъ меня замучили.

У Творца-Владыки
Вѣчное забвенье
Всѣхъ земныхъ страданій,—
Ангельскіе лики,
Свѣтлое хваленье,
Дымъ благоуханій.

— Цѣлый день бранили,
Ночью руки мнѣ связали,
На чердакъ свели раздѣтаго,
Долго палкой били,
Долго розгами терзали,—
Вотъ и умеръ я отъ этого.—

Ангельскіе лики,
Свѣтлое хваленье,
Дымъ благоуханій,—
У Творца-Владыки
Вѣчное забвенье
Всѣхъ земныхъ страданій.

Отвори свою дверь,
И ограду кругомъ обойди.
Неспокойно теперь,—
Не ложись, не засни, подожди.

Можетъ быть, въ эту ночь
И тебя позоветъ кто-нибудь.
Поспѣшишь ли помочь?
И пойдешь ли въ невѣдомый путь?

Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьмѣ, за стѣной
Станетъ кто-нибудь звать,
Одинокій, усталый, больной.

Выходи къ воротамъ,
И фонарь предъ собою носи.
Хоть бы сгинулъ ты самъ,
Но того, кто взываетъ, спаси.

Суровый другъ, ты недоволенъ,
 Что я грустна.
Ты молчаливъ, ты вѣчно боленъ,—
 И я больна.

Но не хочу я быть счастливой,
 Ити къ другимъ.
Съ тобой мнѣ жить въ тоскѣ пугливой,
 Съ больнымъ и злымъ.

Отвыкла я отъ жизни шумной
 И отъ людей.
Мой взоръ горитъ тоской безумной,
 Тоской твоей.

Передъ тобой въ нѣмомъ томленьи
 Сгораю я.
Въ твоёмъ печальномъ заточеньи
 Вся жизнь моя.

МѢДНЫЙ ЗМІЙ.

Возроптали іудеи:
— Труденъ путь нашъ, долгій путь.
Пресмыкаясь, точно змѣи,
Мы не смѣемъ отдохнуть.—

Въ станъ усталыхъ іудеевъ
Изъ невѣдомой земли
Вереницы мудрыхъ змѣевъ
Утромъ медленно ползли.

Подымался къ небу ропоть:
— Нѣтъ надеждъ, и нѣтъ дорогъ!
Или намъ нашъ долгій опытъ
Недостаточно былъ строгъ?—

Рано утромъ, въ часъ восхода,
Голодна, тоща и зла,
Въ станъ роптавшаго народа
Рать змѣиная ползла.

И, раздоръ межъ братьевъ сѣя,
Говорилъ крамольникъ злой:
— Мы отвергнемъ Моисея,
Мы воротимся домой. —

Чешуей свѣтлозеленой
Шелестя въ сухой пыли,
По равнинѣ опаленной
Змѣи медленно ползли.

— Здѣсь, въ пустынь этой пыльной,
Мы исчахнемъ и умремъ.
О, вернемся въ край обильный,
Подъ хранительный яремъ.—

Вдругъ, ужаленный змѣею,
Воинъ палъ сторожевой,—
И сбѣгаются толпою
На его предсмертный вой.

И, скользя между ногами
Старцевъ, женъ, дѣтей и дѣвъ,
Змѣи блещутъ чешуями,
Раззѣваютъ хищный зѣвъ,

И вонзаютъ жала съ ядомъ
Въ обнаженные стопы
Ихъ враждебно-вѣщимъ взглядомъ
Очарованной толпы.

Умидали іудей,—
И раскаялись они.
— Моисей, насъ жалать змѣи!—
Возопилъ народъ,—взгляни:

— Это—кара за роптанье.
Умоли за насъ Творца,
Чтобъ Господне наказанье
Не свершилось до конца.—

И, по слову Моисея,
Былъ изъ мѣди скованъ змѣй,
И къ столбу прибили змѣя
Остріями трехъ гвоздей.

Истоцили ядъ свой гости
И, шурша въ сухой пыли,
Обезсиленные злости
Въ логовища унесли.

Передъ мѣднымъ изваяньемъ
Преклоняется народъ,
И смиреннымъ покаяньемъ
Милость Божію зоветъ.

Но побѣждаешь ты, — послѣдняго дыханья
Подстерегая часъ,
Огнемъ томительнымъ напраснаго стра-
данья
Ты обнимаешь насъ.

Въ полѣ не видно ни зги.
Кто то зоветъ:—Помоги!
 Что я могу?
Самъ я и бѣденъ и малъ,
Самъ я смертельно усталъ,
 Какъ помогу?

Кто-то зоветъ въ тишинѣ:
Братъ мой, приблизься ко мнѣ!
 Легче вдвоемъ.
Если не сможемъ итти,
Вмѣстѣ умремъ на пути,
 Вмѣстѣ умремъ!—

Опять сіяніе въ лампадѣ,
Но не могу склонить колѣнъ.
Ликуетъ Богъ въ надзвѣздномъ градѣ,
А мой удѣлъ—унылый плѣнъ.

Съ иконы темной безучастно
Глаза суровые глядятъ.
Открыть молитвенникъ напрасно:
Молитвы древнія молчатъ,—

И пожелтѣлыя страницы,
Завѣты строгіе храня,
Какъ безнадежныя гробницы,
Уже не смотрятъ на меня.

Забывъ о родинѣ своей,
Мы торжествуемъ новоселье,—
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!

Но все проходить, гаснуть страсти,
Скучна веселость наконецъ;
Сѣдинъ серебряный вѣнецъ
Носить иль снять не въ нашей власти.

Все чаще станемъ повторять
Судьбѣ и жизни укоризны,
И тихій міръ своей отчизны
Намъ все отраднѣй вспоминать.

ОТЪ ЗЛОЙ РАБОТЫ ПАЛАЧЕЙ.

Баллада.

(Валерію Брюсову).

Она любила блескъ и радость,
Живыя тайны красоты,
Плодовъ медлительную сладость,
Благоуханныя цвѣты.

Одѣта яркой багрянницей,
Какъ ночь мгновенная свѣтла,
Она любила быть царицей,
Ее плѣняла похвала.

Ее въ нарядѣ гордомъ тѣшилъ
Алмазъ въ лучахъ и алый лаль,
И бармы царскія обвѣшалъ
Жемчугъ шуршащій и кораль.

Сверкало золото чертога,
Горѣлъ огнемъ и блескомъ сводъ,
И звонко пѣло у порога
Паденье раздробленныхъ водъ.

Пылалъ багрянецъ пышныхъ тканей
На бѣломъ холодѣ колоннъ,
И знойной радостью желаній
Былъ сладкій воздухъ напоенъ.

Но тайна тяжкая мрачила
Блестящей славы дивный домъ:
Царица въ полдень уходила,
Куда, никто не зналъ о томъ.

И, возвращаясь въ кругъ веселый
Прелестныхъ женъ и юныхъ дѣвъ,
Она склоняла взоръ тяжелый,
Она таила темный гнѣвъ.

Къ забавамъ легкаго веселья,
Къ турнирамъ взоровъ и рѣчей,
Влеклась тоска изъ подземелья,
Отъ злой работы палачей.

Тамъ истязуемое тѣло,
Вопя, и корчась, и томясь,
На страшной вискѣ тяготѣло,
И кровь тяжелая лилась.

Открывши царственныя руки,
Отнявши бичъ у палача,
Царица умножала муки
Въ злыхъ лобызаніяхъ бича.

Въ тоскѣ и въ бѣшенствѣ великомъ,
Отъ крови отирая ликъ,
Пронзительнымъ, жестокимъ гикомъ
Она встрѣчала каждый крикъ.

Потомъ, спѣша покинуть своды,
Гдѣ смраднѣй колыхался паръ,
Она всходила въ мѣръ свободы,
Вѣнца, лазури и фанфаръ.

И, возвращаясь въ кругъ веселѣй
Прелестныхъ женъ и юныхъ дѣвъ,
Она клонила взоръ тяжелый,
Она таила темный гнѣвъ.

Келья моя и тѣсна, и темна.
Только и свѣту, что свѣчка одна.

Полночи вѣщей я жду, чтобъ гаданія
Снова начать,
И услыхать
Злой моей доли вѣщанія.

Олово, ложка да чаша съ водою,—
Все на досчатомъ столѣ предо мной.

Олово въ ложкѣ надъ свѣчкой мерцаю-
щей
Я растоплю,
И усыплю
Страхъ, мое сердце смущающій.

Копоть покрыла всю ложку мою,
Талое олово въ воду я лью.

Что же пророчить мнѣ олово?
Кто-то стоит
И говорить:
— Взялъ же ты олова, — злого, тяжелаго! —

Острые камни усѣяли путь,
Мечъ изостренный вонзился мнѣ въ
грудь.

Порою туманной,
Дорогою трудной
Иду!
О, другъ мой желанный,
Спаситель мой чудный,—
Я жду!
Мгновенное племя,
Цвѣтутъ при дорогѣ
Мечты.
Медлительно время,
И сердце въ тревогѣ,—
А ты,
Хоть смертной тропою,
Въ послѣдній, жестокий
Мой день,
Пройди предо мною,
Какъ призракъ далекий,
Какъ тѣнь!

Вѣтеръ въ трубѣ
Воетъ о чьей-то судьбѣ,—
Жалобно стонетъ,
Словно кого-то хоронитъ.

— Бѣдныя дѣти въ лѣсу!
Кто имъ укажетъ дорогу?
Жалобный плачь понесу
Тихо къ родному порогу,

— Ставнями стукну слегка,
Самъ подъ окошкомъ завою,—
Только нѣмая тоска
Къ нимъ заберется со мною.

— Имъ непонятенъ мой зовъ.
Дѣти обнявшись заплачутъ.
Очи голодныхъ волковъ
Между деревъ замаячутъ.

Вѣтеръ въ трубѣ
Плачетъ о чьей-то судьбѣ,—
Жалобно стонетъ,
Словно кого-то хоронитъ.

Порой повѣтъ запахъ странный,—
Его причины не понять,—
Давно померкшій, день туманный
Переживается опять.

Какъ встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засовъ скрипучій вновь отводишь
Вращая ржавое кольцо,—

И видишь тѣсные покои,
Гдѣ половицы чуть скрипятъ,
Гдѣ отсырѣлые обои
Въ углахъ тихонько шелестятъ,

Гдѣ скучный маятникъ маячитъ,
Внимая скучнымъ, злымъ рѣчамъ,
Гдѣ кто-то молится да плачетъ,
Такъ долго плачетъ по ночамъ.

Полуночною порою
Я одинъ съ больной тоскою
Передъ лампою моею.
Жизнь докучная забыта,
Плотно дверь моя закрыта,—
Что же слышно мнѣ за ней?

Отчего она, шатаясь,
Чуть замѣтно открываясь
Заскригѣла на петляхъ?
Дверь моя, не открывайся!
Внѣшній холодъ, не врывайся!
Нестерпимъ мнѣ этотъ страхъ.

Что мнѣ дѣлать? заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?
Но слаба рука моя,
И уста дрожать отъ страха.
Такъ, воздвигнутый изъ праха,
Скоро прахомъ стану я.

Ити бѣ дорогою свободной,—
Да, лихъ, нельзя.
Мой путь лежитъ въ степи холодной;
Иду, скользя.

Вокругъ просторъ, никто не держитъ,
И нѣтъ оковъ,
И Божій гнѣвъ съ небесъ не вержетъ
Своихъ громовъ.

Но свѣтлый край далекъ отсюда,
И гдѣ же онъ?
Его приблизить только чудо
Иль вѣщій сонъ.

Онъ мнѣ, какъ счастье, невѣдомъ:
Меня ведетъ
Моя судьба звѣринымъ слѣдомъ
Среди болотъ.

Мнѣ страшный сонъ приснился,—
Какъ будто я опять
На землю появился
И началъ возрастать,—

И повторился снова
Земной ненужный строй
Отъ дѣтства голубого
До старости сѣдой:

Я плакалъ и смѣялся,
Игралъ и тосковалъ,
Безсильно порывался,
Безпомощно искалъ.

Мечтою облепѣянь,
Желалъ высокихъ дѣлъ,—
И, братьями осмѣянь,
Вновь проклиналъ свой удѣлъ.

Въ страданіяхъ усладу
Нашель я кое-какъ,
И миль больному взгляду
Сталъ замогильный мракъ,—

И кончивъ путь далекій,
Я началъ умирать,—
И слышу судъ жестокій:
— Возстань, живи опять!

Зачѣмъ, скажи,
Въ поляхъ воздѣланныхъ прилежно,
Среди колосьевъ ржи,
Вездѣ встрѣчаемъ неизбежно
Ревнивыя межи?
Одно и то же солнце грѣетъ
Тебя, суровая земля,
Одинъ и тотъ же трудъ лелѣетъ
Твои широкія поля.
Но злая зависть учредила
Во славу алчности и лжи
Неодолимая межи,
Вездѣ, гдѣ ты, земля, взростила
Хотя единый колосъ ржи.

Ангель мечты полуночной,
Послѣ тоски и томленья дневного
Въ свѣтѣ нездѣшнемъ явился ты мнѣ.
Я-ли постигну, порочный,
Рабъ вождельнѣя больного и злого,
Радость въ наивномъ твоёмъ полуснѣ?

Ясныя очи упрекомъ
Рдѣютъ, какъ майская полночь—грозою.
Жаль мнѣ до слезъ непорочной мечты.
Ты не миришься съ порокомъ.
Знаю: я жизни и счастья не стою,—
О, если-бъ смертью повѣялъ мнѣ ты!

Въ амфорѣ, ярко расцвѣченной,
Угрюмый рабъ несетъ вино.
Неровенъ путь неосвѣщенный,
А въ небесахъ уже темно,—
И напряженными глазами
Онъ зорко смотритъ въ полутьму,
Чтобъ черезъ край вино струями
Не пролилось на грудь ему.

Такъ я несу моихъ страданій
Давно наполненный фіаль.
Въ немъ лютый ядъ воспоминаній,
Таясь коварно, задремаль.
Иду окольными путями
Вдали отъ всѣхъ, чтобъ кто-нибудь
Неосторожными руками
Не пролилъ яда мнѣ на грудь.

На ступени склонясь, у порога
Ты сидишь, и въ рукѣ твоей ключъ:
Отомкни только двери чертога,
И ты станешь богатъ и могучъ!
Но отравленъ ты злою тревогой
И видѣньями дня опьяненъ,
И во все, что мечталось дорогой,
Безнадежно и робко влюбленъ.

Подойду я къ предѣлу желаній
На зарѣ беззаботнаго дня,
И жестокіе дни ожиданій
Навсегда отойдутъ отъ меня.
Неужели тогда захочу я
Исполненья безумной мечтѣ?
Или также, безмолвно тоскуя,
Застоюсь на завѣтной чертѣ?

Надо мною, какъ облако
Надъ вершиной горы,
Ты пройдешь, словно облако
Надъ вершиной горы.
Въ многоцвѣтномъ сіяніи,
Въ обаяннѣ святомъ,
Ты промчишься въ сіяніи,
Въ обаяннѣ святомъ.

Стану долго, безрадостный,
За тобою глядѣть,—
Утомленный, безрадостный,
За тобою глядѣть,
Тосковать и печалиться,
Безнадежно грустить,
О далекомъ печалиться,
О безслѣдномъ грустить.

Опять въ лазури ясной,
Высоко надъ землею
Драконъ ползеть прекрасный,
Сверкая чешуей.

Онъ вѣчно угрожаетъ,
Свернувшись въ яркій кругъ,
И взоромъ поражаетъ
Блισταющихъ подругъ.

Одинъ царить онъ хочетъ
Въ эфирѣ голубомъ,
И злыя стрѣлы точить,
И мечеть зло кругомъ.

Я иду путемъ опаснымъ,
Надъ вѣмой и темной бездной,
Съ ожиданіемъ напраснымъ
И съ мечтою бесполезной.

Къ небесамъ не поднимаю
Обольщенныхъ бездной взоровъ,—
Я давно не понимаю
Правды царственныхъ укоровъ.

Не клянусь я обольщенья,
Я туда смотрю, гдѣ мглою
Покрывается паденье
Камней, сброшенныхъ ногою

Въ дубравѣ домъ сосновый
Вблизи ручья.
Хозяинъ въ немъ суровый,
Одинъ, какъ я.

Хранить въ тоскѣ ревнивой
Его земля.
Лежить онъ, терпѣливый,
Какъ я, дремля.

И врагъ, всегда лукавый,
Съ паденьемъ дня
Восходитъ надъ дубравой,
Какъ у меня.

Не надѣйся, не смущайся,
Преходящимъ не прельщайся,
Безъ печали дожидайся
Утѣшительнаго сна.

Все, чѣмъ жизнь тебя манила,
Обмануло, измѣнило, —
Неизбѣжная могила
Не обманетъ лишь одна.

Тепло мнѣ потому, что мой уютный домъ
Устроилъ ты своимъ терпѣньемъ и тру-
домъ:
Дрожа отъ стужи, везъ ты мнѣ изъ лѣса
хворостъ,
Ты зерна для меня бросалъ вдоль то-
щихъ бороздъ,
А самъ ты бѣдствовалъ, покорствуя
судьбѣ.
Тепло мнѣ потому, что холодно тебѣ.

Ты слышишь громъ? склонись, не смѣйся
Надъ неожиданной грозой,
И легковѣрно не надѣйся,
Что буря мчится стороной.

Ужъ демонъ вихрей мчится грозно,
Свинцовой тучей облаченъ,
И облака, что плыли розно,
Къ себѣ зоветъ зарницей онъ.

Онъ налетитъ, гремя громами,
Онъ башни гордыя снесетъ,
Молніеносными очами
Твою лачугу онъ сожжетъ.

Солнце скупое и лѣнливо,
Стѣны тускло холодны.
Пролетаютъ торопливо
Дни весны, какъ сны.

Гулки улицы столицы,
Мнѣ чужда ихъ суета.
Мимолетнѣе зарницы
Красота — мечта, —

И, вдыхая запахъ пыли,
Я, безъ думы и безъ грезъ,
Смутно помню: гдѣ-то были
Слезы вешнихъ грозъ.

Чѣмъ звонче радость, міръ прелестнѣй
И солнце въ небѣ горячѣй,
Тѣмъ скорбь дружнѣе съ тихой пѣсней,
Тѣмъ грезы сердца холоднѣй.

Холодный ключъ порою жаркой
Изъ-подъ горы, играя, бьетъ,
И солнца блескъ надменно-яркій
Согрѣть не можетъ ясныхъ водъ.

Земли таинственная сила
На свѣтъ источникъ извела,
И навсегда заворожила
Отъ обаянія тепла.

Подъ одеждою руки скрывая,
Какъ спартанскій обычай велить,
И смиренно глаза опуская,
Передъ старцами отрокъ стоитъ.
На минуту вопросомъ случайнымъ
Задержали его старики,—
И сжимаетъ онъ что-то потайнымъ,
Но могучимъ движеньемъ руки.
Онъ лисицу укралъ у кого-то,—
И лисица грызетъ ему грудь,
Но у смѣлаго только забота—
Стариковъ, какъ и всѣхъ, обмануть.
Удалось! Онъ добычу уносить,
Онъ отъ старцевъ идетъ, не спѣша,—
И живую лисицу онъ броситъ
Подъ наметъ своего шалаша.

Проходя передъ злою толпою,
Я сурово печаль утаю,
Равнодушіемъ внѣшнимъ укрою
Ото всѣхъ я кручину мою,—

И пускай она сердце мнѣ гложетъ
И пускай ее трудно скрывать,
Но изъ глазъ моихъ злая не сможетъ
Унизительныхъ слезъ исторгать.
Я побѣду надъ ней торжествую,
И уйти отъ людей не спѣшу,—
Я печаль мою злую, живую
Принесу къ моему шалашу,
И подъ темнымъ наметомъ я сброшу,
Совершивъ утомительный путь,
Вмѣстѣ съ жизнью жестокою ношу,
Истомившую гордую грудь.

Мы шли вдвоемъ тропю тѣсной,
 Таинственный мой другъ,—
И ни единый лучъ небесный,
 И ни единый звукъ!

Дремало мертвое болото,
 Камышь угрюмый спалъ,
И впереди чернѣло что-то.
 И кто-то угрожалъ.

Мы шли болотною тропю,
 И мертвенная мгла
Вокругъ насъ зыбкой пеленою
 Дрожала и ползла.

Къ тебѣ я робко наклонился,
 О спутникъ вѣрный мой,
И странно ликъ твой омрачился
 Безумною тоской.

Угрозою злою задрожали
 Во мглѣ твои уста,—
И понялъ я: ты—дочь печали,
 Полночная мечта.

Прильнулъ онъ къ рѣшеткѣ желѣзной
Лицомъ исхудалымъ и злымъ.
Блистающей, грозною бездной
Раскинулось небо надъ нимъ.

Струилася сырость ночная,
О берегъ плескалась рѣка.
Рѣшетку тоскливо сжимая,
Горѣла, дрожала рука.

Рвануться впередъ невозможно,
Въ темницѣ—и ужась, и мгла.
Мечта трепетала тревожно,
Но злобы зажечь не могла.

Надъ безуміемъ шумной столицы
Въ темномъ небѣ сіяла луна,
И далекихъ свѣтилъ вереницы,
Какъ видѣнья прекраснаго сна.

Но толпа проходила безпечно,
И на звѣзды никто не глядѣлъ,
И союзъ ихъ, вѣщающій вѣчно,
Безотвѣтно и праздно горѣлъ.

И одинъ лишь скиталець покорный
Подымалъ къ нимъ глаза отъ земли,
Но спасти отъ гибели черной
Ихъ вѣщанья его не могли.

Ты вознеслась, благоухая,
Молитва скорбная моя,
Къ дверямъ таинственнаго рая,
Къ святымъ истокамъ бытія.

Какъ раскаленное кадило,
Моя печаль въ твоихъ рукахъ
Багровый слѣдъ свой начертила
На безмятежныхъ небесахъ.

Но за возвышенной оградой
Была святая тишина,
Ни упованьемъ, ни отрадой
Тебя не встрѣтила она.

Въ бездыханномъ туманѣ,
Изъ невѣдомыхъ странъ
На драконѣ-обманѣ
Налетѣлъ великанъ.

Принахмурились очи,
Какъ бездомная ночь,
Но не видно въ нихъ мочи
Побѣдить, превозмочь.

Онъ громадной рукою
Громового меча
Не подыметъ для бою,
Не взмахнетъ имъ сплеча.

Въ бездыханномъ туманѣ,
Изъ невѣдомыхъ странъ
На драконѣ-обманѣ
Налетѣлъ великанъ.

Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и мечъ,—
Одинъ онъ идетъ въ подземелье,
Лампады не хочетъ зажечь.

И дверь заскрипѣла протяжно,—
Въ нее не входили давно.
За дверью и темно и влажно,
Высоко и узко окно.

Глаза привыкаютъ во мракъ,—
И вотъ выступаютъ сквозь мглу
Какіе-то странные знаки
На сводахъ, стѣнахъ и полу.

Онъ долго глядитъ на сплетенье
Непонятыхъ знаковъ, и ждетъ,
Что взорамъ его просвѣтленье
Всеящая смерть принесетъ.

Стоитъ онъ, жаждой истомленный,
Изголодавшійся, больной,
Подъ виноградною лозой,
Въ ручей по поясъ погруженный,
И простираетъ руки онъ
Къ созрѣвшимъ гроздьямъ виноград-
нымъ,—

Но богомъ мстящимъ, беспощаднымъ
На вѣкъ начертанъ ихъ законъ:
Бѣгутъ они отъ рукъ Тантала,
И выпрямляется лоза,
И свѣтъ небесъ, какъ блескъ металла,
Томитъ молящіе глаза.

И вотъ Танталъ нагнуться хочетъ
Къ холодной, радостной струѣ,—
Она поетъ, звенитъ, хохочетъ
Въ недостигаемомъ ручьѣ.
И тѣмъ онъ ниже къ ней нагнется,
Тѣмъ глубже падаетъ она,—
И предъ устами остается
Песокъ обсохнувшаго дна.
Въ песокъ сыпучій и хрустящій
Лицомъ горячимъ онъ поникъ,—
И, безотвѣтный и хрипящій,
Потрясъ пустыню дикій крикъ.

Громадный животъ.
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный ротъ,
А въ носу—золотое кольцо.

Уродливъ и нагъ,
И вся кожа на тѣлѣ черна,—
Онъ—кудесникъ и врагъ,
И свирѣпость его голодна.

На широкомъ столбѣ
Онъ сидитъ, глядитъ на меня,
И твердитъ о судьбѣ,
Золотое копьѣ наклона.

— Сразить не могу,—
Говоритъ,—не пришелъ еще срокъ.
Я тебя стерегу,
Не уйдешь отъ меня: я жестокъ.

— Копьѣ подыму,
Поражу тебя быстрымъ копьемъ,
И добычу возьму
Въ мой костями изукрашенный домъ.—

Въ весенній день мальчишка злой
Пронзилъ ножомъ кору березы,—
И капли сока, точно слезы,
Текли прозрачною струей.

Но созидающая сила
Еще возникнуть не спѣшила
Изъ зеленѣющихъ вѣтвей,—
Онѣ, какъ прежде, колыхались,
И такъ же нѣжно улыбались
Привѣту солнечныхъ лучей.

Полдневный сонъ природы
И тихъ, и томень былъ,—
Свѣтло грустили воды,
И темный лѣсъ грустиль,

И солнце воздвигало
Блестящую печаль
И грустью обливало
Безрадостную даль.

Передразсвѣтный сумракъ дологъ,
И холодъ утренній жестокъ.
Заря, заря, раскинь свой пологъ,
Зажги надеждами востокъ.

Кто не усталъ, кто сердцемъ молодъ,
Тому легко перенести
Передразсвѣтный долгій холодъ
Въ истомѣ ранняго пути.

Но кто сжимаетъ пыльный посохъ
Сухую старческой рукой,
Тому какая сладость въ росахъ,
Завороженныхъ тишиной!

Прощая жизни смѣхъ злорадный
И обольщенья звонкихъ словъ,
Я ухожу въ долину сновъ,
Къ моей невѣстѣ безпощадной.

Она о мукахъ говорить,
Ея чертоги—мѣсто пытокъ,
Ея губительный напитокъ
Изъ казней радости творить.

Стояли клены въ тяжкомъ забытѣи,
Цвѣты пестрѣли,
Съ травой шептались ясные ручьи,
Струясь безъ цѣли,
Надъ нивой и рѣкой обрывки тучъ,
Скользя бѣжали,
И золотилъ ихъ коймы поздній лучъ
Зарей печали.

Мелькающіе годы,
Томителенъ вашъ ладъ,
Какъ поздней непогоды
Тоскующій нарядъ.

Протягивая руки,
Съ надеждою въ глазахъ,
Несбыточной науки
Я ждалъ въ ночныхъ путяхъ,—

И чаръ полночныхъ сила
Несла мнѣ свой покой,
И сердце примирила
Съ безвыходной судьбой.

Но я, неблагодарный,
Уставши тайной жить,
Съ насмѣшкою коварной
Сталъ тайну поносить,—

И въ міръ полдневной скуки
Бѣжалъ поспѣшно я
Отъ радостной науки
Ночного бытія.

И сердце взволновалось,
Въ огнѣ внезапномъ кровь,—
Нежданная примчалась
Проказница—любовь.

Но крикъ ея веселый
Меня остановилъ,
И станъ ея дебелий
Мечты мои убилъ.

Я робко отрекаюсь
Отъ злыхъ ея тревогъ,
И быстро возвращаюсь
Въ полночный мой чертогъ.

Другъ мой тихій, другъ мой дальный,
Посмотри,—
Я холодный и печальный
Свѣтъ зари.

Я напрасно ожидаю
Божества,—
Въ блѣдной жизни я не знаю
Торжества.

Надъ землею скоро встанетъ
Ясный день,
И въ нѣмую бездну канетъ
Злая тѣнь,—

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Другъ мой тайный, другъ мой дальный,
Я умру.

Тѣнь рѣшетки прочной
Рѣзкимъ переплетомъ
На моемъ полу.
Свѣтъ луны полночной
Безпокойнымъ летомъ
Падаетъ во мглу.

Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.
Рѣзокъ холодъ мгlistый.
Страшно заточенье.
Неподвижны сны.

Въ головѣ склоненной
Созданы мечтою
Вольные пути,
Трудъ освобожденный,
Жизнь не за стѣною...
Какъ же мнѣ уйти?

Долетаютъ звуки,
Льется воздухъ влажный,
Мысли, какъ и тамъ, —
Я тюремной муки
Плачь и вопль протяжный
Вѣтру передамъ.

Я шель безнадежной дорогой,
Когда еще день не погасъ.
Горѣлъ во мнѣ думою строгой
Вечерній томительный часъ.

И вдругъ декорацией плоской
Мнѣ все показалось тогда,—
Заря протянулась полоской,
И блестящей блеснула звѣзда,

И небо завѣсой висѣло,
Помостомъ лежала земля,—
Но тайная сила кипѣла,
Кулисы порой шевеля.

Она лицемѣрно таилась,
И межъ декораций порой,
Невидима міру, грозилась
Предвѣчною, дикою мглой.

Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,
Печальями изранила,
И разумъ отуманила,
И волю отняла.

Послушенъ ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуясь, молчу.
Найти дороги торныя,
Веселыя, просторныя,
И самъ я не хочу.

Глаза мои дремотные
Въ видѣнья мимолетныя
Безумно влюблены.
Несутъ мои мечтанія
Святыя предвѣщанія
Великой тишины.

Жаркое солнце по небу плыветъ.
Ночи земля утомленная ждетъ.

Въ тѣлѣ—истома, въ душѣ—пустота,
Воля почилъ, и дремлетъ мечта.

Гдѣ моя гордость, гдѣ сила моя?
Къ низшимъ склоняюсь кругамъ бытія.

Силѣ таинственной духъ мой предавъ,
Жизнью, подобной томленію травъ,

Тихо живу, и невѣдомо мнѣ,
Что созрѣваетъ въ моей глубинѣ.

Для чего въ этотъ пасмурный день
Вдохновенье вѣнчало меня?
Только смутная тѣнь
На душѣ отъ порочнаго дня.

И напрасно кипитъ напряженно мечта,—
Этотъ міръ и суровъ и нелѣпъ:
Онъ—вѣмой и таинственный склепъ,
Надъ могилой, гдѣ скрыта навѣкъ краса.
ота.

Надъ могилой лампада горитъ,—
Но къ чему мнѣ ея вопрошающій свѣтъ,
Если каменнымъ холодомъ плить
Умерщвленный кумирь мой бездушно
одѣтъ?

Не понимаю, отчего
Въ природѣ мертвенной и скудной
Встаетъ какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.

Я вижу вѣчную природу
Подъ неизбежной властью силъ,—
Но кто же въ бытіе вложилъ
И вдохновеніе и свободу?

И въ этотъ краткій срокъ земной,
Изъ вещества сложася земного,
Какъ могъ обрѣсть я мысль и слово,
И міръ создать себѣ живой?

Окрестъ меня все жизнью дышетъ,
Въ моей рѣкѣ шумитъ волна,
И для меня въ поляхъ весна
Благоуханія колыхетъ.

Но не повяты мнѣ, отчего
Въ природѣ мертвенной и скудной
Возсоздается властью чудной
Духовной жизни торжество.

Царевной мудрой Аріадной
Царевичъ доблестный Тезей
Спасенъ отъ смерти безотрадной
Среди запутанныхъ путей:
Къ его одеждѣ привязала
Она спасительную нить,—
Передъ героемъ смерть стояла,
Но не могла его плѣнить,
И, побѣдитель Минотавра,
Свивая нить, умѣлъ найти
Тезей къ вѣнцу изъ розъ и лавра
Прямые, вѣрные пути.

А я—въ тиши, во тѣмѣ блуждаю,
И въ лабиринтѣ изнемогъ,
И ужъ давно не понимаю
Моихъ обманчивыхъ дорогъ.
Все жду томительно: устанетъ
Судьба надежды хоронить,
Хоть передъ смертью мнѣ протянетъ
Путеводительную нить,—
И вновь я выйду на свободу,
Подъ небомъ яснымъ умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотрѣть.

Что дорого сердцу и мило,
Ревнивое солнце сокрыло
Блестящую ризой своей
Отъ слабыхъ очей.

Въ блаженномъ безмолвіи ночи
Къ звѣздамъ-ли подымутся очи,—
Отраденъ ихъ трепетный свѣтъ,
Но правды въ немъ нѣтъ.

Сойду-ли въ подземные ходы,
Подъ мшистые, древніе своды,
Является что-то и тамъ
Пугливымъ очамъ.

Напрасно и очи закрою—
Видѣнья встають предо мною,
И даже глубокіе сны
Видѣній полны.

Явленья меня обступили,
И взоръ мой лучи ослѣпили,
Я мрака напрасно ищу,
И тайно грущу.

Больному сердцу любо
Строй жизни порицать.
Все тѣло хочеть грубо
Мнѣ солнце пронизать,

Луна не обратилась
Въ алтарную свѣчу,
И все навѣкъ сложилось
Не такъ, какъ я хочу.

Кто далъ мнѣ это тѣло
И съ нимъ такъ мало силъ,
И жаждой безъ предѣла
Всю жизнь меня томилъ?

Кто далъ мнѣ землю, воды,
Огонь и небеса,
И не далъ мнѣ свободы,
И отнял чудеса?

На прахъ охладѣломъ
Былого бытія
Природою и тѣломъ
Томлюсь безумно я.

Кругомъ обставшіе меня
Всегда безмолвные предметы,
Лучами тайнаго огня
Бы осіяны и согрѣты.
Безумно-радостной мечтой
Себя предъ вами забавляю,—
За вашей грубой пеленой
Нездѣшній міръ я различаю.
Отъ мѣста къ мѣсту я иду,
Природу строго испытую,
И сокровеннаго все жду,
И съ тѣмъ, что явлено, враждую.
Вовѣкъ, быть можетъ, обрѣсти
Предвѣчной тайны не сумѣю,
Но къ ней ведущіе пути
Я не изслѣдовать не смѣю.
Иду въ пустынные мѣста,
Гдѣ жизнь вся та же, что и прежде,

Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновидѣнье,
Или ничье?

Въ нашемъ, въ номъ ли твореньи
Къ истинѣ есть ли пути,
Или въ безплодномъ томленьи
Надо итти?

Чьимъ же творящимъ хотѣньемъ
Нераздѣлимо слита
Съ неутомимымъ стремленьемъ,
Міра тщета?

И шуму каждаго листа
Внимаю въ трепетной надеждѣ.
Къ закату дня уставъ искать,
Не находя моей святыни,
Спѣшу въ мечтаніяхъ создать
Черты таящейся богини.
Какой-то давній, вѣщій сонъ
Припоминаю слабо, смутно:
Вотъ, вотъ маячить въ сердцѣ онъ,—
И погасаетъ поминутно...

Или надежды устремлять
Къ тебѣ, таинственно грядущей,
Къ тебѣ, святую благодать
Успокоенія несущей?
И только ты въ завѣтный срокъ,
Опредѣливъ конецъ дорогамъ,
Меня поставишь на порогъ
Передъ невѣдомымъ чертогомъ?

Полуночная жизнь расцвѣла,
На столѣ заалѣли цвѣты.
Я ль виновникъ твоей красоты,
Иль собою ты такъ весела?

Въ озареніи блѣдныхъ огней
Полуночная жизнь расцвѣла.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я—только данникъ ночей?

Я ль тебя изъ темницы исторгъ
Въ озареніе блѣдныхъ огней?
Иль томленья томительныхъ дней—
Только дань за недолгій восторгъ?

Впечатлѣнія случайны,
Знанье ложно,
Проникать въ святые тайны
Невозможно.

Люди, стѣны, мостовыя,
Колесницы,—
Все докучныя да злыя
Небылицы.

Съ ними быть,—и лицемѣрить,
И таиться,—
Но не хочетъ сердце вѣрить
И молиться.

Я лицо укрыть бы въ маскѣ,
Нахлобучилъ бы колпакъ,
И въ безстыдно-дикой пляскѣ
Позабылъ бы кое-какъ
Роковыхъ сомнѣній стаю
И укоры безъ конца,—
Все, предъ чѣмъ не поднимаю
Незакрытаго лица.
Гулкій бубень потрясая
Высоко надъ головой,
Я помчался-бъ, присѣдая,
Дробь ногами выбивая,
Предъ хохочущей толпой,
Вкругъ литого, золотого,
Недоступнаго тельца,
Отгоняя духа злого,

Что казнить меня сурово
Скудной краскою лица.
Что жъ меня остановило?
Или это вражья сила
Сокрушила бубень мой?
Отчего я съ буйнымъ крикомъ
И въ безуміи великомъ
Паль на камни головой?

Поетъ печальный голосъ
Про тишину ночную,
Глядитъ небесный лебедь
На лилію земную.

На ней роса мерцаетъ
Отъ четырехъ озеръ.
Въ лазоревое море
Она подъемлетъ взоръ.

Поетъ печальный голосъ
О чемъ-то непонятномъ.
Предъ смертью ль горній лебедь,
Въ пути ли невозвратномъ?

Она въ печали нѣжной,
Она какъ снѣгъ бѣла,
Ее волна колышетъ,
Ее лелѣетъ мгла.

С О Н Ъ.

Въ мірѣ нѣтъ ничего
Вожделѣннѣе сна,—
Чары есть у него,
У него тишина,
У него на устахъ
Ни печаль и ни смѣхъ,
И въ бездонныхъ очахъ
Много тайныхъ утѣхъ.
У него широки,
Широки два крыла,
И легки, такъ легки,
Какъ полночная мгла.
Не понять, какъ несетъ,
И куда, и на чемъ,—
Онъ крыломъ не взмахнетъ,
И не двинетъ плечомъ.

Уставъ брести житейскою пустыней,
Но жизнь любя,
Смотри на міръ, какъ на непрочный
иней,
Не вѣрь въ себя.

Разлей отраву дерзкихъ отрицаній
На ткань души,
И чувство тождества своихъ сознаний
Разбить слѣши.

Не вѣрь, что тотъ же самый былъ ты
прежде,
Что и теперь,
Не довѣрайся радостной надеждѣ,
Не вѣрь, не вѣрь!

Живи и знай, что ты живешь мгно-
веньемъ
Всегда иной,
Грядущимъ тайнамъ, прежнимъ откро-
веньямъ
Равно чужой.

И думы знойныя о тайной цѣли
Всебытія
Умрутъ, какъ звонъ расколотои свирѣли
На днѣ ручья.

Расцвѣтайте, расцвѣтающіе,
Увядайте, увядающіе,
Догорай, объятое огнемъ,—
Мы спокойны, не желающіе,
Лучшихъ дней не ожидающіе,
Жизнь и смерть равно встрѣчающіе
Съ отуманеннымъ лицомъ.

Я лѣсомъ шелъ. Дремали ели,
Быль тощъ и блѣденъ рѣдкій мохъ.
Мой другъ далекій, неужели
Я слышалъ твой печальный вздохъ?

И это ты передо мною
Прошелъ, безмолвный нелюдимъ,
Завороженный тишиною
И вѣчнымъ сумракомъ лѣснымъ?

Я посмотрѣлъ,—ты оглянулся,
Но промолчалъ, махнулъ рукой,—
Прошло мгновенье,—лѣсъ качнулся,—
И нѣтъ тебя передо мною.

Вокругъ меня дремали ели,
Быль тощъ и блѣденъ рѣдкій мохъ,
Да сучья палые желтѣли,
Да буреломъ торчалъ и сохъ.

Не понять мнѣ, откуда, зачѣмъ,
И чего онъ томительно ждетъ.
Предо мною онъ грустенъ и нѣмъ,
 И всю ночь напролетъ
Онъ вокругъ меня чѣмъ-то чертитъ
На полу чародѣйный узоръ,
И куреньемъ какимъ-то дымить,
 И туманить мой взоръ.
Опускаю глаза передъ нимъ,
Отдаюсь чародѣйству и сну,
И тогда различаю сквозь дымъ
 Голубую страну.
Онъ приникнетъ ко мнѣ и ведетъ,
И улыбка на мертвыхъ губахъ,—
И блуждаю всю ночь напролетъ
 На пустынныхъ путяхъ.
Разсказать не могу никому,
Что увижу, услышу я тамъ,—
Можетъ быть, я и самъ не пойму,
 Не припомню и самъ.
Оттого такъ мучительны мнѣ
Разговоры, и люди, и трудъ,
Что меня въ голубой тишинѣ
 Волхвованія ждуть.

Внѣ міровъ проносился
Неразгаданный сонъ.
Никому не приснился
Никогда еще онъ.

Непреклонною волей
Онъ стремился вдали
Отъ небесныхъ раздолій
И отъ тѣсной земли.

Онъ бѣжалъ человѣка,
Бытія не желалъ,
Но отъ вѣка до вѣка
Все кого-то искалъ.

Не нашелъ я дороги,
И въ дремучемъ лѣсу
Всѣ былыя тревоги
Осторожно несу.

Всѣ мечты успокоя,
Безпечаленъ и нѣмъ,
Я заснувшего зоя
Не тревожу ничѣмъ.

Избавленіе чую,
Но путей не ищу,—
Ни о чемъ не тоскую,
Ни на что не ропщу.

Покоя мертвыхъ не смущай,—
Засыпь цвѣтами всю гробницу,
Но въ равнодушную слезницу
Туманныхъ взоровъ не склоняй.

Изъ замогильной мрачной дали
Не долетитъ, какъ ни зови,
Отвѣтный стонъ ея любви
На дикій вопль твоей печали.

Быть съ людьми—какое бремя!
О зачѣмъ же надо съ ними жить!
Отчего нельзя все время
Чары дѣять, тихо ворожить,

Погружаться въ созерцанье
Облаковъ, и неба, и земли,
Быть, какъ ясное молчанье
Тихихъ звѣздъ, мерцающихъ вдали.

Вотъ минута прощальная
До послѣдняго дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?

Для того ли украдкою,
При холодной лунѣ,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мнѣ?

Для того ли скиталася
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалася
Съ ихъ нѣмой тишиной

И опять, свѣтлоокая,
Ты блѣдна и грустна,
Какъ луна одинокая,
Какъ больная луна.

Словами горькими надменныхъ отрицаній
Я вызвалъ сатану. Онъ сталъ передо мной
Не въ мрачномъ торжествѣ проклятыхъ обаяній,—
Явился онъ, какъ дымъ, клубящійся, густой.

Я продолжалъ слова безстрашныхъ заклинаній,—
И въ дымѣ отрокъ сталъ, прекрасный и нагой,
Съ губами яркими и полными лобзаній,
Съ глазами, темными призывною тоской.

Но красота его внушала отвращенье,
Какъ гробъ раскрашенный, союзникъ злого тлѣнья,
И нагота его сверкала, какъ позоръ.

Глаза полночные мнѣ вызовъ злой метали,
И принялъ вызовъ я,—и вотъ, борюсь съ тѣхъ поръ
Съ царемъ сомнѣнія и пламенной печали.

Приучивъ себя къ мечтаньямъ,
Неживымъ очарованьямъ
Душу слабую отдавъ,
Жизнью занять я минутно,
Равнодушно и попутно,
Какъ вдыхаютъ запахъ травъ,
Шелестящихъ подъ ногами
Въ полуночной тишинѣ,
Отвѣчающей лунѣ
Утомительными снами
И тревожными мечтами.

Приподняла ты темный пологъ,
И умертвила милый сонъ,—
Но свѣтъ очей моихъ не дологъ,
И днемъ я скоро утомленъ.

И ты зовешь меня напрасно
То къ наслажденью, то къ труду,—
Внимая зову безучастно,
Я за тобою не иду.

Напрасно въ разныя личины
Ты облакаешь прелесть дня,—
Твои восторги и кручины
Непостижимы для меня.

Воскреснетъ скоро сонъ-спаситель,
И, разлучивъ меня съ тобой,
Возьметъ меня въ свою обитель,
Гдѣ тьма, забвенье и покой.

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучить она.

Господи, если я рабъ,
Если я бѣденъ и слабъ,

Если мнѣ вѣчно за этимъ столомъ
Скучнымъ и скуднымъ томиться трудомъ

Дай мнѣ въ одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И въ совершенномъ созданьи одномъ
Чистымъ навѣки зажечься огнемъ.

Холодъ повѣялъ въ окно,—
И затворилось оно.

Снова одинъ я, и въ мѣрѣ живомъ,
И не обмануть промчавшимся сномъ.

Снова я грустенъ и нѣмъ.
Гдѣ же мой кроткій эдемъ?

Пестрымъ узоромъ напрасно дразня,
Темныя стѣны глядятъ на меня.

Скучная лампа горитъ.
Скучная книга лежитъ.

Тамъ тишина съ мечтой сплеталась
Въ кругу безвѣтренныхъ березъ,
И безнадежность улыбалась
Толпѣ больныхъ и жалкихъ грезъ.

Хотѣло сердце лицемѣрить,
И очи—слезы проливать,
И какъ-то странно было вѣрить,
И какъ-то страшно было ждать.

И все томительно молчало,—
Уже природа не жила,
И не стремилась, не дышала,
И не могла, и не была.

Отрокъ сидитъ у потока.
Ноги цѣлуетъ волна.
Сказки о скрытомъ глубоко
Тихо лепечетъ она.

— Что же томиться тревогой,
Вздохи стѣсняя въ груди!
Тихой подводной дорогой
Смѣло отсюда уйди.

— Эти отребья пусть кануть
Въ омутъ глубокой на днѣ.
Дивныя дива предстануть
Передъ тобой въ глубинѣ.

— На землю тамъ непохоже,
И далеко отъ небесъ.
Людымъ извѣдать не гоже
Тайну подводныхъ чудесъ.

— Наши подводныя чуда,
Правда, не трудно узнать,
Но ужъ вернуться оттуда
Ты не захочешь опять.

— Всѣ усмиривши тревоги,
Всѣ успокоивъ мечты,
Съ тихой и тайной дороги
Ввѣкъ не воротись ты.—

Въ истомѣ тихаго заката
Грустило жаркое свѣтило.
Подъ кровлей ветхой гнулась хата,
И тѣнью садъ полуприкрыла.
Березы въ немъ угомонились
И неподвижно пламенѣли.
То въ тѣнь, то въ свѣтъ переносились
Со скрипомъ зыбкія качели.

Печали ветхой злою тѣнью
Моя душа полуодѣта,
И то стремится жадно къ тлѣнью,
То ищетъ радостей и свѣта.
И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньямъ,
Переношусь попеременно
Отъ безнадежности къ желаньямъ.

Еще томительно горя,
Не умерь тихій день.
Еще усталая заря
Не вовсе погрузилась въ тѣнь,—

Но чуть замѣтный серпъ луны
Уже надъ міромъ занесень,
Уже дыханьемъ тишины
Просторъ полей заворожень.

И есть предчувствіе во всемъ
Святыхъ и радостныхъ чудесъ,—
Въ дали долинъ, въ тищѣ небесъ,
И въ сердцѣ трепетномъ моемъ;

И, какъ далекій, тихій звонъ,—
Дыханье вѣщей тишины;
И одинокій серпъ луны
Уже надъ міромъ занесень.

Я душой умирающей
Жизни радъ и не радъ,
И отъ бури взывающей
Не ищу я оградъ.

Я безпечной улыбкою
Отвѣчаю грозѣ,
И покорностью зыбкою
Я подобень лозѣ.

Вѣрю сказкѣ божественной,
Вижу дивные сны.
Что мнѣ радость торжественной
Нерастлѣнной весны!

Что мнѣ звѣзды небесныя,
Ихъ торжественный строй!
Что мнѣ торжища тѣсныя
И телець золотой!

Горько пахнетъ известкою
Въ переулкѣ моемъ.
Я дорогою жесткою
Пробираюсь въ мой домъ.

Тамъ дыханіе ладна
Все мерещится мнѣ.
Тамъ святыня угадана
Въ неземной тишинѣ.

Безконечность страданія
Въ тѣхъ стѣнахъ вмѣщена,
И тоска умирающаго,
Какъ блаженство, ясна.

Онъ шелъ путемъ зеленымъ
Въ невѣдомую даль.
За нимъ, съ протяжнымъ стономъ,
Влеклась его печаль,
Цѣплялась за одежду,
Хотѣла удержать,
Послѣднюю надежду
Старалась отогнать.

Но тихія лампы
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
Въ невѣдомой дали,—
И нѣжное дыханье
Въ безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навѣяло ему.

Ночь настанетъ, и опять
Ты придешь ко мнѣ тайкомъ,
Чтобъ со мною помечтать
О нездѣшнемъ, о святомъ.

И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Предо мною свѣтъ и тьму.

Буду спать или не спать,
Буду помнить или нѣтъ,—
Станетъ радостно сіять
Для меня нездѣшній свѣтъ.

Проходилъ я мимо сада.
Высока была ограда,
И затворены ворота.
Вдругъ калитка предо мной
Отворилась и закрылась,—
На мгновенье мнѣ явилось,
Тамъ, въ саду зеленомъ, что-то,
Словно призракъ неземной.

Вновь одинъ я возлѣ сада,
Высока его ограда,
Передъ ней, за ней молчанье,—
Пыль и камни предо мной.
Я иду, и вѣрю чуду,
И со мной идетъ повсюду
Бездыханное мечтанье,
Словно призракъ неземной.

Есть тайна несказанная,
Но гдѣ, найду-ли я?
Блуждаетъ пѣсня странная,
Безумная моя.

Дорогой незнакомою,
Среди нѣмыхъ болотъ
Съ медлительной истомою
Она меня ведетъ.

Мгновенія безслѣдныя
Надъ ней летятъ въ тиши,
И спятъ купавы блѣдныя,
И дремлютъ камыши.

Коса ея запутана,
Въ ней жесткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.

Дорогой потаенною,
Среди нѣмыхъ болотъ,
Гдѣ ирисъ, влагой сонною
Напоенный, цвѣтетъ,

Блуждаетъ пѣсня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Ее найду-ли я?

Мечтатель, странный міру,
Всегда для всѣхъ чужой,
Царящему кумиру
Не служитъ онъ хвалой.

Кому-то дымный ладонъ
Онъ жжетъ, угрюмъ и строгъ,
Но міромъ не разгаданъ
Его суровый богъ.

Онъ тайною завѣсилъ
Страстей своихъ игру, -
Порой у гроба весель
И мраченъ на пиру.

Сіянье на вершинѣ,
Садовъ цвѣтущихъ рядъ
Въ прославленной долиинѣ
Его не веселятъ.

Поляну онъ находитъ,
Лишенную красы,
И тамъ въ мечтахъ проводитъ
Безмолвные часы.

Кругъ начертанъ, и Сивилла
Предстоящимъ духамъ тьмы
Заклинанья совершила,
И теперъ всеильны мы:

Намъ послушны силы злыя,
Близки мы и къ небесамъ,—
Только-бъ низменно земныя
Не подкрались чувства къ намъ,

Только-бы, волю давъ мечтаньямъ
И земную красоту
Подаривъ своимъ желаньямъ,
Вдругъ, на зло моимъ гаданьямъ,
Не шагнуть мнѣ за черту.

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
Къ дверямъ мечтательнаго рая,
Въ недостижимые края.
Встрѣчаютъ вѣчныя видѣнья
Ея стремительный полетъ,
И ясный холодъ вдохновенья
Изъ грезъ кристаллы создаетъ.

Когда-жъ, на землю возвращаясь,
Недостижимое тая,
Она проснется, погружаясь
Въ туманный воздухъ бытія,—
Небесный лучъ воспоминаній
Внезапно вспыхиваетъ въ ней,
И злобный мракъ людскихъ страданій
Прорѣжетъ молніей своей.

Гляжу на нивы, на деревья,
На рѣки, доли, стѣны кручь,
И на воздушныя кочевья
Свинцовыхъ и жемчужныхъ тучь,—

И терпѣливою душою
Стремлюсь постичь ихъ тайну я;
За ихъ завѣсою цвѣтною
Родные снятся мнѣ края.

Надо мной голубая печаль,
И глядитъ она въ страхъ высокомъ
Полуночнымъ таинственнымъ окомъ
На земную туманную даль.

Бездыханно-холодныя травы
Околдованы тихой луной,
И смущенья я моей типиною,
Но стези мои тайныя правы.

Не объ этомъ ли шепчутъ ручьи,
Что въ моихъ неподвижныхъ туманахъ
Безпорочно въ томительныхъ странахъ
Пронесу помышленья мои?

Къ толпѣ непонятной и зыбкой
Привѣтливо взоры склоня,
Съ балкона случайной улыбкой
Порадоваль кто-то меня.

Замѣтилъ я смуглую щеку,
Волосъ распустившихся прядь,—
И шумному, злому потоку
Толпы отдаюсь я опять,

И въ грохоть и ропоть столицы
Несу неожиданный свѣтъ.
Мечтѣ исполненія нѣтъ,
Но радость моя безъ границы.

Надъ усталую пустыней
Развернулся пологъ синій,
Въ небо вышелъ мѣсяцъ ясный,
Нетревожный и нестрастный,
Низошла къ землѣ прохлада,
И повѣяла отрада.
Въ мой шатеръ, въ объятя сна,
Тишина низведена.

Съ внѣшней жизнью я прощаюсь,
И въ забвенье погружаюсь.
Предо мною міръ нездѣшній,
Гдѣ ликуеть другъ мой вешній,
Гдѣ безгрѣшное свѣтило,
Не склоняясь, озарило
Тотъ нетлѣнный, юный садъ,
Гдѣ хвалы его звучать.

Въ тишинѣ бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движеній твоихъ,
Какъ могила, ты темень и тихъ.
Оглянуться не смѣю назадъ,
И на мнѣ твой томительный взглядъ,
И, какъ ночь раскрываетъ цвѣты,
Что цвѣтутъ для одной темноты,
Такъ и ты раскрываешь во мнѣ
Все, что чутко живетъ въ тишинѣ,—
И вошелъ я въ обитель твою,
И въ кругу чародѣйномъ стою.

Если бъ я былъ къ счастью приневоленъ,
Если бъ я былъ нѣгой опьяненъ,
Былъ бы я, какъ цвѣтъ тепличный, бо-
ленъ
И страстьми безумными спаленъ.

Но легко мнѣ: я живу печаленъ,
Я суровой скорби въ жертву данъ.
Никакимъ желаньемъ не ужаленъ,
Ни въ какой не вдамся я обманъ.

И до дня, когда безмолвной тѣнью
Буду я навѣки осѣненъ,
Жизнь моя, всемірному томленью
Ты подобна, легкая, какъ сонъ.

За мельканьемъ волшебныхъ узоровъ
Я слѣжу въ заколдованной мглѣ,
И моихъ очарованныхъ взоровъ
Не прельщаетъ ничто на землѣ.

Обаянья мои какъ вериги,
Я страданій моихъ не боюсь.
Мудрецамъ, изучающимъ книги,
Я безумцемъ порочнымъ кажусь.

Но моя недоступна ограда,
Стережетъ меня крѣпко печаль.
И въ печали, и въ тайнѣ—отрада,
И надеждъ простодушныхъ не жаль.

Снова сердце жаждет воли
Ненавидѣть и любить,
Изнывать отъ горькой боли,
Преходящей жизнью жить,

Созидать себѣ обманы,—
Рядъ земныхъ туманныхъ сновъ,
Незалѣченныя раны
Прятать въ росыи цвѣтовъ,—

И томясь тоской щемящей
И желаньями полно,
Смерти, тайно предстоящей,
Устрашается оно.

Тихо сумракъ набѣгаетъ,
Звучно маятникъ стучить,
Кто-то ясный къ намъ слетаетъ,
О нездѣшнемъ говорить.

Тамъ, снаружи, безпокойно:
Зажигаются огни,
И шумливо, и нестройно
Бродятъ призраки одни.

Милыхъ образовъ не видно,
Все туманно впереди,
И глядѣть туда обидно,—
Отъ окошка отойди,

Посиди со мною рядомъ.
Слышишь,—маятникъ стучитъ,
Кто-то кроткій, съ яснымъ взгля-
домъ,
О нездѣшнемъ говорить.

Прикасаясь холодной рукой
Осторожно къ плечу моему,
Ты стоишь у меня за спиной
И зовешь меня кротко во тьму,—
Прикасаясь къ плечу моему
Повелительно-нѣжной рукой.

Но не смѣю я встать и сказать,
Что съ тобою готовъ я итти—
Безмятежное счастье искать
На послѣднемъ, на тайномъ пути,—
Я хочу за тобою итти,
Но не смѣю объ этомъ сказать.

И къ чему! Не исполнился срокъ,
Не насталь заповѣданный часъ,
Да и мой не оконченъ урокъ,
И огонь предо мной не погасъ,—
Не насталь заповѣданный часъ,
И земной не исполнился срокъ.

Грустная свѣтитъ луна,
Плещется тихо волна,
И надъ рѣкою туманъ.
Тяжко задумался лѣсъ.
Хочется сердцу чудесь,
Грезится милый обманъ.

Чутко иду надъ рѣкой,—
Шатки мостки подо мной,
Вижу я мелкое дно,
Тѣнь утонула въ рѣкѣ,
Городъ за мной вдалекѣ,
Возлѣ—молчанье одно.

Въ путь пора—ладья готова.
Лягъ въ нее, и почивай.
Въ ней отъ берега чужого
Уплывешь въ родимый край.

Не заботься о дорогѣ,
Вѣрь,—прочна твоя ладья.
Ты проснешься на порогѣ
Неземного бытія.

Мимолетной лаской мая
Наслаждайтесь,—расцвѣтая,
Увядая, умирая,—
Дней тоской не отравляя,
Все вокругъ себя любя,
Забывая про себя.

Птичьимъ звучнымъ щебетаньемъ,
Молодымъ благоуханьемъ,
И полуденнымъ сіяньемъ,
И полуночнымъ молчаньемъ
Наслаждайтесь,—кратокъ срокъ.
Вѣчный отдыхъ не далекъ.

Мечтою, небомъ и землей,
Восходомъ, полднемъ и закатомъ,
Огнемъ, грозой и тишиной,
И вешнимъ сладкимъ ароматомъ,

И промечтаю до конца,
И, мирно улыбаясь жизни,
Уйду къ невѣдомой отчизнѣ,
Въ чертоги вѣчнаго Отца.

Слабѣютъ яростныя стрѣлы
Земныхъ страстей.
Сомкни глаза. Близки предѣлы
Твоихъ путей.

Не обману тебя, больного,
Утѣшься, вѣрь,—
Изъ заточенія земного
Открою дверь.

Въ твоей таинственной отчизнѣ,
Въ краю святомъ,
Гдѣ ты покоился до жизни
Господнимъ сномъ,

Гдѣ умираютъ злыя шумы
Земныхъ тревогъ,—
Исполнивъ творческія думы,
Почіетъ Богъ.

И ты взойдешь, какъ дымъ кадильный,
Въ его покой,
Оставивъ тлѣть въ землѣ могильной
Твой прахъ земной.

Ты незамѣтно проходила,
Ты не сіяла и не жгла.
Какъ незажженное кадило,
Благоухать ты не могла.

Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали блѣдныя уста,
И отъ людей ты хоронилась,
И отъ рѣчей людскихъ таилась
Твоя безгрѣшная мечта.

Конецъ пришелъ земнымъ скитаньямъ,
На смертный путь вступила ты,
И засіяла предвѣщаньемъ
Иной, нездѣшной красоты.

Глаза восторгомъ загорѣлись,
Уста безмолвныя зардѣлись,
Какъ ясный свѣточъ, ты зажглась,
И, какъ восходить ладонь синій,
Твоя молитва надъ пустыней,
Благоухая, вознеслась.

Я зажгу восковую свѣчу,
И къ Творцу моему воззову,
Преклоняя главу и колѣни.
Бытія моего не хочу,
Житія моего не прерву,
До послѣдней пройду всѣ ступени.

Только воля Господня и есть,
И не я выбиралъ этотъ путь,
И куда онъ ведетъ, я не знаю,—
И спѣшу я молитвы прочесть,
И не смѣю въ ночи отдохнуть,
И главу, и колѣни склоняю.

Что селенія наши убогія,
Всѣ пространства и всѣ времена!
У Отца есть обители многія,—
Намъ невѣдомы ихъ имена.

Но, предчувствуя райскія радости,
Предъ которыми жизнь—только сонъ,
Отрекаюсь отъ призрачной сладости,
Отвергаю томленье временъ.

Увяданье, страданье и тлѣніе,—
Мнѣ суровый вѣнецъ вы сплели.
Не свершится завѣтъ воскресенія
Никогда и нигдѣ для земли.

Имена твои не ложны,
Безпечальны, безтревожны,—
Велика ихъ глубина.
Ихъ немолчный, темный шопоть,
Предвѣщательный ихъ ропоть
Какъ вмѣстить мнѣ въ письма?

Имена твержу, и знаю,
Что въ иномъ еще живу,
Безполезно вспоминаю
И напрасно я зову.

Можетъ быть, ты проходила,
Не жалѣла, но щадила,
Не желала, но звала,
Грустно взоры опускала,
Травъ какихъ-то все искала,
Находила и рвала.

Можетъ быть, ты устремляла
На меня тяжелый взоръ

И мечтать не позволяла
Про побѣду и позоръ.

Имена твои всѣ знаю,
Ими день я начинаю
И встрѣчаю мракъ ночной,
Но сказать ихъ вслухъ не смѣю,
И въ толпѣ людской нѣмѣю,
И смущенъ ихъ тишиной.

И къ тѣмъ очамъ нисходить мой при-
вѣтъ,
Моей земной души чистѣйшее дыханье.
Благословляю ночь за кроткое мерцанье,
За безмятежный свѣтъ.

Звѣзды, привѣтствуйте брата!
Въ вашей блаженной странѣ
Все совершится когда-то,
Что бѣ ни пригрезилось мнѣ.

Бездна небесъ не преграда,—
Все совершится опять.
Что жъ изъ того, что мнѣ надо
Здѣсь, на землѣ, почивать!

Въ вашей блаженной пустынѣ
Снова пригрезится мнѣ
Все, что мнѣ грезится нынѣ
Въ этой безумной странѣ.

Что вчера пробѣгало во мнѣ,
Что вчера называлъ я собою,
Вотъ оно въ голубой вышинѣ
Забѣлѣлося тучкой сквозною.

Тотъ порывъ, что призывной тоской
Въ этомъ сердцѣ вчера отозвался,
Это онъ передъ близкой грозой
Надъ шумящею нивой промчался.

Та мечта, что въ безрадостной мглѣ
Даровала вчера мнѣ забвенье,
На иной и далекой землѣ
Снова ищетъ себѣ воплощенья.

Къ долинь мрачной, подъ огнями
Печальныхъ и тревожныхъ звѣздъ,
Моими знойными мечтами
Соорудилъ я гордый мостъ,

И, что ни ночь, къ его воротамъ
Я торопился подойти.
Душою охладѣвъ къ заботамъ
Дневного пыльнаго пути.

Въ долинь той себѣ кумира
Я изъ печали сотворилъ,
И не искалъ иного міра,
Иныхъ, блистательныхъ свѣтилъ.

Ты печально мерцала
Между ярких подругъ,
И одна не вступала
Въ ихъ плѣнительный кругъ.

Незамѣтная людямъ,
Ты открылась лишь мнѣ,
И встрѣчаться мы будемъ
Въ голубой тишинѣ,

И молчаніе ночи
Навсегда полюбя,
Я безсонныя очи
Устремлю на тебя.

Ты безъ словъ мнѣ расскажешь,
Чѣмъ и какъ ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.

Звѣзда Маиръ сіяетъ надо мною,
Звѣзда Маиръ,
И озаренъ прекрасною звѣздою
Далекій міръ.

Земля Ойле плыветъ въ волнахъ эфира,
Земля Ойле,
И ясенъ свѣтъ блистающей Маира
На той землѣ.

Рѣка Лигой въ странѣ любви и мира,
Рѣка Лигой,
Колелеетъ тихо ясный ликъ Маира
Своей волной.

Бряцанье лиръ, цвѣтовъ благоуханье,
Бряцанье лиръ
И пѣсни женъ слились въ одно дыханье.
Хваля Маиръ.

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Пѣсней сладкогласной и согласной
Славить все блаженство бытія.

Тамъ, въ сіяньи яснаго Маира,
Все цвѣтеть, все радостно поеть.
Тамъ, въ сіяньи яснаго Маира,
Въ колыханьи свѣтлаго эфіра,
Міръ иной таинственно живетъ.

Тихій берегъ синяго Лигоя
Весь въ цвѣтахъ нездѣшной красоты.
Тихій берегъ синяго Лигоя—
Вѣчный міръ блаженства и покоя,
Вѣчный міръ свершившейся мечты.

Все, чего намъ здѣсь недоставало,
Все, о чемъ тужила грѣшная земля,
Расцвѣло на васъ и засіяло,
О, Лиговскія блаженныя поля.

Миръ земной вражда заполонила,
Бѣдный міръ земной въ унынье погру-
женъ,
Намъ отрадна тихая могила,
И, подобный смерти, долгій, темный
сонъ.

Но Лигой струится и трепещеть
И благоухаютъ чудные цвѣты,
И Маиръ безгрѣшный тихо блещеть
Надъ блаженнымъ краемъ вѣчной кра-
соты.

Мы скоро съ тобою
Умремъ на землѣ,—
Мы вмѣстѣ съ тобою
Уйдемъ на Ойле.

Подъ яснымъ Маиромъ
Узнаемъ мы вновь,
Подъ свѣтлымъ Маиромъ,
Святую любовь.

И все, что скрываетъ
Ревниво нашъ міръ,
Что солнце скрываетъ,
Покажетъ Маиръ.

Мой прахъ ислѣеть понемногу,
Ислѣеть онъ въ сырой землѣ,
А я межъ звѣздъ найду дорогу
Къ иной странѣ, къ моей Ойле.

Я все земное позабуду,
И тамъ я буду не чужой,—
Довѣрюсь я иному чуду,
Какъ обычаю земной.

Безстрастенъ свѣтъ съ Маира,
Безгрѣшенъ взоръ у женъ,—
Въ сіяніи съ Маира
Великій праздникъ мира
Отрадой окруженъ.

Далекая отрада
Близка душѣ моей,—
Ойле, твоя отрада—
Незримая отрада
Отъ суетныхъ страстей.

Когда звенять согласные напѣвы
Ойлейскихъ дѣвъ,
И въ пляскѣ медленной кружатся дѣвы
Подъ свой напѣвъ,—

Преодолѣвъ несносныя преграды,
И смерти радъ,
Вперяю я внимательные взгляды
Въ ихъ свѣтлый градъ.

Отрадъ святыхъ насытятся дуновеньемъ,
Съ тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньемъ,
Къ моей землѣ.

Во мглѣ земли свершаю превращенья.
Покоренъ я,—
И дней медлительныхъ влачатся звенья,
О, жизнь моя!

Часъ ночной отраденъ
Для безстрашнаго душой.
Воздухъ нѣженъ и прохладенъ,
Темень мракъ ночной.

Только звѣздъ узоры,
Да вдали кой-гдѣ огни
Различаютъ смутно взоры.
Грусть моя, усни!

Вся обычность скрыта,
Тьмою смыты всѣ черты.
Ночь—безмолвная защита
Мнѣ отъ суеты.

Кто-то близко ходить,
Кто-то нѣжно стережетъ,
Чуткихъ глазъ съ меня не сводить,
Но не подойдетъ.

Ты не заснула до утра,
Грустя, благоухая,
О, непорочная сестра
Смѣющагося мая!

Среди полей внимала ты
Полночному молчанью,
Полету радостной мечты,
И звѣздному сіянью.

И ночь, склонившись надъ тобой,
Сквозь ясныя свѣтила
Благословляющей росой
Окрестъ тебя кропила.

Въ бѣдной хатѣ въ Назаретѣ
Обиталъ ребенокъ-Богъ.
Онъ однажды на разсвѣтѣ,
Выйдя тихо за порогъ,
Забавлялся влажной глиной,—
Онъ кускамъ ея давалъ
Жизнь и образъ голубиный,
И на волю отпускалъ,—
И неслись они далеко,
И блаженство бытія
Возвѣщала отъ востока
Новозданная семья.

О, Божественная Сила,
И ко мнѣ сходила ты,

И душѣ моей дарила
Окрыленные мечты,—
Утромъ дней благоуханныхъ
Жизни трепетной моей
Вереницы новозданныхъ
Назаретскихъ голубей.
Ниспошли еще мнѣ снова
Въ жизнь туманную мою
Изъ томленія земного
Сотворенную семью.

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

По всей землѣ ходила,
Всѣ грады посѣщала,—
Въ одно село пришла,
Всѣ рученьки оббила,
Подъ окнами стучала,
Пріюта не нашла,—

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Ее отъ оконъ гнали,
Толкали и корили,
Бранили и кляли,
И бабы ей кричали:
— Когда-бъ мы всѣхъ кормили,
Такъ что бъ мы сберегли?—

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Огонь небесный жарокъ.
Высокъ, далекъ, да зорокъ
Илья, святой пророкъ.
Онъ всталъ, могучъ и ярокъ,
И грозныхъ молній сорокъ
Связалъ въ одинъ клубокъ.

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

По облачной дорогѣ,
На огненной телѣгѣ.
Съ зарницей на дугѣ,
Помчался онъ въ тревогѣ,—
У коней въ бурномъ бѣгѣ
По грому на ногѣ.

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

И вихри закружились,
И дубы запатались,
И молніи зажглись,
И громы разразились,—
И люди испугались,
Молиться привялись:

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Напрасныя рыданья,
Напрасныя моленья, —
Гнѣвливъ пророкъ Илья.
Не будетъ состраданья
Для грѣшнаго селенья, —
Конецъ его житья!

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Дѣтей людскихъ жалѣя,
Сказала Пресвятая:
— Уймись, пророкъ Илья.
Грѣшать, не разумѣя,
Грѣшать, не понимая,
Но всѣмъ простила я. —

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Передъ Ильею стала,
Словами не смирила,
Да съ плечъ своихъ сняла
Святое покрывало,
И все село покрыла,
И всѣхъ людей спасла, —

Заря Заряница,
Красная дѣвица,
Мать Пресвятая Богородица!

Путь мой трудный, путь мой длинный.
Я одинъ въ странѣ пустынной,
Но услады есть въ пути,—
Улыбаюсь, забавляюсь,
Самъ собою вдохновляюсь,
И не скучно мнѣ идти.

Широки мои поляны,
И бѣлы мои туманы,
И свѣтла луна моя,
И поетъ мнѣ вѣтеръ вольный
Рѣчью буйной, безглагольной
Про блаженство бытія.

(З. Н. Гиппіусъ).

Гдѣ грустятъ лѣса дремливые,
Изнуренные морозами,
Есть долины молчаливыя,
Зачарованныя грозами.

Какъ чужда непосвященному,
Въ сны мірскіе погруженному,
Ихъ краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

Смотрятъ ивы суковатыя
На пустынный берегъ илистый.
Вотъ кувшинки, сномъ объята,
Надъ рѣкой нѣмой, извилистой.

Вотъ березки, захирѣлыя
Надъ болотною равниною.
Тамъ, вдали, стѣной несмѣлою
Боръ съ раздумьемъ и кручиною.

Какъ чужда непосвященному,
Въ сны мірскіе погруженному,
Ихъ краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

Возставилъ Богъ меня изъ влажной
глины,

Но отъ земли не отдѣлилъ.

Родныя мнѣ—вершины и долины,

Какъ я себѣ, весь міръ мнѣ милъ.

Когда гляжу на дальнія дороги,

Мнѣ кажется, что я на нихъ

Всѣ чувствую колеса, камни, ноги,

Какъ будто на рукахъ моихъ.

Гляжу ли я на звонкіе потоки,—

Мнѣ кажется, что это мнѣ

Земля несетъ живительные соки,

Свои дары моей веснѣ.

Какія-то свѣтлыя дѣвы
Сегодня гостили у насъ.
То не были дочери Евы,—
Такихъ я не видывалъ глазъ.
Я встрѣтилъ ихъ гдѣ-то далеко
Въ суровомъ лѣсу и глухомъ.
Бѣжали онѣ одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоемъ.
И было въ нихъ много печали,
Больной, сиротливой, лѣсной,
И ноги ихъ быстро мелькали,
Покрытыя свѣтлой росой.
Но руки ихъ смѣлой рукою
Сложилъ я въ спасающій крестъ,
И вывелъ ихъ вѣрной тропою
Изъ этихъ пугающихъ мѣстъ.
И бѣдныя свѣтлыя дѣвы
Всю ночь прогостили у насъ,—
Я слушалъ лѣсные напѣвы,
И сладкій, и нѣжный рассказъ.

Сіяя счастьемъ самохвальнымъ
Поспѣшно зыбкой красоты,
По небесамъ моимъ печальнымъ
Заря разсѣяла цвѣты.

Повѣялъ мирно вечеръ мгlistый
Забвеньемъ низменныхъ тревогъ,
И тонкой дымкой серебристой
Мои долины заволокъ.

Все стало быточнымъ и тайнымъ,—
Краса небесъ и дольний сонъ.
Ничѣмъ обычнымъ и случайнымъ
Покой души не возмущенъ.

Камышъ качается
И шелеститъ,
И улыбается,
И говоритъ
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
Съ дремою тонкою
Въ полдневный зной.

Едва колыхается
Въ рѣкѣ волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несетъ мнѣ вѣсть,
Что подвигъ сладостный
И свѣтлый есть.

На небѣ чистая
Моя звѣзда
Зажглась лучистая,
Горить всегда,
И сны чудесные
На той звѣздѣ,—
И сны небесные
Со мной вездѣ.

Я люблю мою темную землю,
И, въ предчувствіи вѣчной разлуки,
Не одну только радость приѣмлю,
Но смиренно и тяжкія муки.

Ничего не отвергну въ созданьи,—
И во всемъ есть восторгъ и веселье,
Есть великая трезвость въ мечтаньи,
И въ обычности буйной—похмѣлье.

Преклоняюсь предъ Духомъ Великимъ,
И съ Отцомъ бытіе мое слито,
И созданьемъ Его многоликимъ
Отъ меня-ли единство закрыто!

Чернѣть лѣсъ по берегамъ.
Одинъ сижу я въ челнокѣ,
И къ неизвѣстнымъ берегамъ
Я устремляюсь по рѣкѣ.

На небѣ ясная луна,
А на рѣкѣ туманъ встаетъ.
Сіяетъ ясная луна,
И кто-то за лѣсомъ поетъ.

О ночь, единственная ночь!
Успокоительная сѣнь!
Какъ пережить мнѣ эту ночь?
Къ чему мнѣ свѣтъ? Къ чему мнѣ день?

Затаился въ травѣ и лежу,—
И усталость мою позабылъ,—
У меня-ль недостаточно силъ?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцемъ на небѣ сердце горить,
И расширилась небомъ душа,
И мечта моя вѣтромъ летитъ,
Въ запредѣльныя страны спѣша.

И на небѣ моемъ облака
То растаютъ, то катятся вновь.
Позабылъ, гдѣ нога, гдѣ рука,
Только въ жилахъ торопится кровь.

Все хочет пѣть и славить Бога,
Заря, и ландышъ, и ковыль,
И лѣсъ, и поле, и дорога,
И вѣтромъ зыблемая пыль.

Они зовутъ за словомъ слово,
И пѣсню ихъ изъ вѣка въ вѣкъ
Въ иныхъ созвучьяхъ слышать снова
И повторяетъ человекъ.

Какіе слабые цвѣты!
Ихъ нагибая, вѣтеръ злобный
Надъ ними воетъ гимнъ надгробный,
Пророча гибель красоты.

Не такъ же-ль ихъ, какъ насъ, гнететь
Слѣпой судьбы неумолимость,—
Но непреклонная рѣшимость
Въ нихъ созидаетъ нѣжный плодъ!

По жестокимъ путямъ бытія
Я бреду, безпріютенъ и сирь,
Но зато вся природа—моя,
Для меня наряжается міръ.

Для меня въ тайнѣ вешнихъ ночей,
Заливаясь, поютъ соловьи.
Какъ невольникъ, цѣлуешь ручей
Запыленные ноги мои.

И свѣтило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Разсыпаетъ ихъ въ сѣрой пыли.

Люблю мое молчанье
Въ лѣсу во тьмѣ ночей,
И тихое качанье
Задумчивыхъ вѣтвей.
Люблю росу ночную
Въ сырыхъ моихъ лугахъ,
И влагу полевую
При утреннихъ лучахъ.
Люблю зарею алой
Веселый холодокъ,
И блѣдный, запоздалый
Рыбачій огонекъ.
Тогда успокоенье
Нисходитъ на меня,
И что мнѣ все томленье
Пережитаго дня!

Я всѣмъ земнымъ просторомъ
Блаженно замолчу,
И многозвѣзднымъ взоромъ
Весь міръ мой охвачу.
Закроюсь я туманомъ,
И волю дамъ мечтамъ,
И сказочнымъ обманомъ
Раскинусь по полямъ.

Есть соотвѣтствія во всемъ,—
Не тщетно простираемъ руки:
Въ отвѣтъ на счастье и на муки
И смѣхъ и слезы мы найдемъ.

И если жаждемъ утѣшенья,
Бѣжимъ далеко отъ людей.
Среди лѣсовъ, среди полей
Покой, безмысліе, забвенье.

Вѣтвями вѣтеръ шелеститъ,
Трава травою такъ и пахнетъ.
Никто въ изгнаніи не чахнетъ,
Не презираетъ и не мститъ.

Такъ, довѣряся природѣ,
Наперекоръ судьбѣ, во всемъ
Мы соотвѣтствія найдемъ
Своей душѣ, своей свободѣ.

Постройте чертогъ у потока
Въ таинственно тихомъ лѣсу,
Гонцовъ разошлите далеко,
Сберите живую красу,—
 Дѣтей безпокровныхъ,
 Голодныхъ дѣтей
Ведите въ защиту дубровныхъ
 Широкихъ вѣтвей.

Проворныя дѣтскія ноги
Въ зеленомъ лѣсу побѣгутъ,
И въ немъ молодыя дороги
 Себѣ обрѣтутъ.
Воздѣлаютъ дѣтскія руки
Эдемъ, для работы сплетясь,—
И зой ихъ веселые звуки
Окличеть, въ кустахъ притаясь.

На меня ползли туманы
Заколдованнаго дня,
Чародѣйства и обманы
Выходили на меня,
Мнѣ безликія грозили,
Мнѣ полуденная мгла
Изъ дорожной сѣрой пыли
Вихри зыбкіе вила.

Но таинственное слово
Начерталь я на землѣ,—
Обаянья духа злого
Робко замерли во мглѣ.
Безъ меча вошелъ я смѣло
Въ ту заклятую страну,
Гдѣ такъ долго жизнь коснѣла
И покорствовала сну.

Вражья сила разливала
Тамъ повсюду страхъ и тьму,—
Тамъ царевна почивала,
Сидя съ прялкой въ терему,—
Замерла у дивной пряжи
Съ нитью тонкою рука;
Вѣтеръ стихъ на буйномъ взмахѣ,
Ставнемъ двинувши слегка.

Я вошелъ въ ея свѣтлицу,
Побѣдитель темныхъ силъ,
И красавицу-дѣвицу
Пощлѣюемъ разбудилъ.
Очи свѣтлыя открыла,
И зардѣлась вдругъ она,
И рукой перехватила
Легкій взмахъ веретена.

Благословляю, жизнь моя,
Твои печали.
Какъ струи тихаго ручья,
Мои молитвы зазвучали.

Душевныхъ ранъ я не таю,
Благословивъ мое паденье.
Какъ ива къ тихому ручью,
Къ душѣ приникло умиленье.

Широкія улицы прямы,
И пыльно, и мглисто въ дали,
Чуть видны далекіе храмы,—
О, муза, ликуй и хвали!

Для камней, заборовъ и пыли
Напѣвы звенящіе куй,
Забудь про печальныя были,—
О, муза, хвали и ликуй!

Пройдутъ ли, внезапны и горды,
Дерзнувшіе спорить съ судьбой,—
Встрѣчай ошьянѣвшія орды
Напѣвомъ, зовущимъ на бой.

Дѣти радостей и свѣта,
Нѣтъ границъ вамъ, нѣтъ завѣта,
Нѣтъ помѣхъ,—
Вы и въ городѣ храните,
На асфальтѣ, на гранитѣ
Рѣзвый смѣхъ.

Посреди толпы болтливой
Вы съ улыбкою счастливой
Надо мной,
И за вашею оградой
Въ шумный міръ иду съ отрадой
Неземной.

О, жизнь моя безъ хлѣба,
Зато и безъ тревогъ!
Иду. Смѣется небо,
Ликуетъ въ небѣ Богъ.
Иду въ широкомъ полѣ,
Въ уныньи темныхъ рощъ,
На всей на вольной волѣ,
Хоть блѣденъ я и тощъ.
Цвѣтутъ, благоухаютъ
Кругомъ цвѣты въ поляхъ,
И тучки тихо таютъ
На ясныхъ небесахъ.
Хоть мнѣ ничто не мило,
Все душу веселить.
Близка моя могила,
Но это не страшить.
Иду. Смѣется небо,
Ликуетъ въ небѣ Богъ.
О, жизнь моя безъ хлѣба,
Зато и безъ тревогъ!

Стальная рѣшетка.
Здѣсь—пыль и камень,
Тамъ—садъ и пруды,
Качается лодка,
Доносится пѣнье,
Алѣютъ плоды.

По жесткой дорогѣ
Толпой богомольцы
Куда-то спѣшать.
Въ болтливой тревогѣ
Звенять колокольцы,
Колеса гремятъ.

Въ гамакѣ плетеномъ,
То вправо, то влѣво,
Крыломъ вѣтерка,
Въ пріютѣ зеленомъ
Заснувшая дѣва
Качнется слегка.

Я люблюсь людскою красотою,
Но не знаю, что стало бы съ ней,
Вдохновенной и нѣжной такою,
Безъ дыханія жизни моей.

Обрацаю къ природѣ я взоры
И склоняю внимательный слухъ,—
Только мой вопрошающій духъ
Оживляетъ нѣмые просторы,—

И, всемірною жизнью дыша,
Я не знаю конца и предѣла:
Для природы моей я—душа,
И она мнѣ—послушное тѣло.

Ты ко мнѣ приходила не разъ
То въ вечерній, то въ утренній часъ,
И всегда утѣшала меня.
Ты мою отгоняла печаль,
И вела меня въ ясную даль,
Тишиной и мечтой осѣня.

И мы шли по широкимъ полямъ,
И цвѣты улыбались намъ,
И смѣясь, лепетала волна,
Что вокругъ насъ—потерянный рай,
Что я свѣтлый и радостный май,
И что ты—молодая весна.

Ты ничего не говорила,—
Но ужъ и то мнѣ былъ укоръ.
Къ смиреннымъ травамъ ты склонила
Твое лицо и кроткій взоръ,

И отъ меня ушла неспѣшно,
Вдыхая слабый запахъ травъ.
Твоя печаль была безгрѣшна,
И тихій путь твой не лукавъ.

Засмѣешься-ли ты, мнѣ не весело,
Но печаль моя станетъ свѣтла,
Словно бурное море завѣсила
Серебристая, легкая мгла.

На меня-ль поглядишь, мнѣ не радостно,
Но печаль моя станетъ свѣтла,
Словно къ сердцу болящему сладостно
Благодать отъ небесъ низошла.

Я напрасно хочу не любить,—
И, природѣ покорствуя страстной,
 Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.

Чуть могу любоваться тобой,
И сказать тебѣ слова не смѣю,
 Но разстаться съ тобой
Не хочу, не могу, не умѣю.

А настанутъ жестокіе дни,
Ты уйдешь отъ меня безъ возврата.
 О, зачѣмъ же вы, дни!
За утратой иная утрата.

Подъ звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мнѣ снится, будто снова
Цвѣтеть любовь моя,
И счастья земного
Какъ прежде жажду я.
Но пѣсней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцѣлуя
Томительно таю.

Обвѣянный прохладой
Въ нѣмомъ ея саду

За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухихъ ищу тропинокъ,
Гдѣ травы проросли,—

Чтобъ жалобы песчинокъ
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И пѣсни не пою,
Но сердцемъ призываю
Желанную мою.

И, сердцемъ сердце чуя,
Она выходитъ въ садъ.
Глаза ея тоскуя
Во тьму мою глядятъ.
Въ ночи ея безсонной
Внезапныя мечты,—
Въ косѣ незаплетенной
Запутались цвѣты.
Мнѣ снится: передъ нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смѣю,
Таю любовь мою.

Для чего говорить! Холодны
И лукавы слова,
Какъ обломки сѣдой старины,
Какъ людская молва.

Для чего называть? Мы одни,—
Только зорями щекъ,
Только молніей глазъ намекни,—
И пойму я намекъ.

И во мнѣ, точно въ небѣ звѣзда,
Затрепещетъ опять,
Но того, что зажжется тогда,
Не сумѣю назвать.

Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
 Лилию мою.
Въ зломъ краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
 Блѣдную мою.

Ты моя, и отнимая
У ручья любимца мая,
 Лилия моя,
Я пою въ ночахъ зимовья
Соловьемъ у изголовья,
 Блѣдная моя.

Близъ одинокой избушки
Молча глядимъ въ небеса.
Глупыя стонуть лягушки,
Мочить намъ платье роса.

Всѣ отсырѣли дороги,—
Ты не боишься ничуть,
И загорѣлыя ноги
Такъ и не хочешь обуть.

Сердце торопится биться,—
Твой ожидающій взглядъ
Радъ бы ко мнѣ обратиться,—
Я ожиданію радъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Отъ автора	7
Гдѣ ты дѣлась, несказанная	11
Чиста любовь моя	12
Морозная свѣтлая даль	13
Я не спалъ,—и звучало	15
Покрыла зелень ряски	16
На лбу ея денница	17
На песокъ прихотливыхъ дорогъ	19
Молода и прекрасна	21
Туманъ не рѣдѣетъ	23
Короткая радость сгорѣла	24
Запахъ асфальта и грохотъ колесъ	25
Иду я влажнымъ лугомъ	26
Закрывая глаза, я цѣлую тебя	27
Подъ холодною властью тумана	28
Не ужасай меня угрозой	29
Я отъ міра отрекаюсь	30
Ариадна	31
Изъ міра чахлой нищеты	33
Для чего въ пустынь дикой	34
Этотъ сонъ искуститель	35
Скоро солнце встанетъ.	36
Просыпаюсь рано	37

	СТР.
Запоздалый ѣздокъ на конѣ ворономъ . . .	39
Ангельскіе лики	40
Отвори свою дверь	42
Суровый другъ, ты недоволенъ	43
Мѣдный змій	44
Твоихъ нѣмыхъ угрозъ, суровая нужда.	47
Въ полѣ не видно ни зги	49
Опять сіяніе въ лампадѣ	50
Забывъ о родинѣ своей	51
Отъ злой работы палачей	52
Келья моя и тѣсна, и темна	55
Порою туманной	57
Вѣтеръ въ трубѣ	58
Порой повѣетъ запахъ странный	60
Полуночною порою	61
Идти-бъ дорогою свободной	62
Мнѣ страшный сонъ приснился	63
О владычица смерть, я ропталъ на тебя.	65
Зачѣмъ, скажи	66
Ангель мечты полуночной	67
Въ амфорѣ, ярко расцвѣченной	68
На ступени склоняюсь, у порога	69
Надо мною какъ облако	70
Опять въ лазури ясной	71
Я иду путемъ опаснымъ	72
Въ дубравѣ домъ сосновый	73
Не надѣйся, не смущайся	74
Тепло мнѣ потому, что мой уютный домъ .	75
Ты слышишь громъ? склонись не смѣйся.	76
Солнце скупо и лѣниво	77
Чѣмъ звонче радость, міръ прелестнѣй. .	78

	СТР.
Подъ одеждою руки скрывая	79
Мы шли вдвоемъ тропою тѣсной	81
Прильнулъ онъ къ рѣшеткѣ желѣзной	83
Надъ безуміемъ шумной столицы	84
Ты вознеслась благоухая	85
Въ бездыханномъ туманѣ	86
Забыты вино и веселье	87
Стоитъ онъ жаждой истомленный	88
Громадный животъ	89
Въ весенній день мальчишка злой	90
Полдневный сонъ природы	91
Передразсвѣтныи сумракъ дологъ	92
Прощая жизни смѣхъ злорадный	93
Мелькающіе годы	95
Другъ мой тихій, другъ мой дальный	97
Тѣнь рѣшетки прочной	98
Я шель безнадежной дорогой	100
Дорогой скучно-длинною	101
Жаркое солнце по небу плыветъ	102
Для чего въ этотъ пасмурный день	103
Не понимаю отчего	104
Царевной мудрой Ариадной	105
Что дорого сердцу и мило	106
Больному сердцу любо	108
Кругомъ обставшіе меня	110
И шуму каждаго листа	111
Злое земное томленье	112
Полуночная жизнь расцвѣла	113
Впечатлѣнія случайны	114
Я лицо укрыль-бы въ маскѣ	115
Поетъ печальный голосъ	117

	СТР.
Сонъ	118
Уставъ брести житейскою пустыней	119
Расцвѣтайте, расцвѣтающіе	121
Я лѣсомъ шелъ. Дремали ели	122
Не понять мнѣ, откуда, зачѣмъ...	123
Внѣ міровъ проносился	124
Не нашелъ я дороги	125
Покоя мертвыхъ не смущай	126
Быть съ людьми—какое бремя.	127
Вотъ минута прощальная	128
Словами горькими надменныхъ отрицаній.	129
Приучивъ себя къ мечтаньямъ	130
Приподняла ты темный пологъ.	131
Скучная лампа моя зажжена	132
Холодъ повѣялъ въ окно	133
Тамъ тишина съ мечтой сплеталась	134
Этотъ зыбкій туманъ надъ рѣкой	135
Отрокъ сидитъ у потока	136
Въ истомѣ тихаго заката	138
Еще томительно горя	139
Я душой умирающей	140
Онъ шелъ путемъ зеленымъ.	142
Ночь настанетъ, и опять	143
Проходилъ я мимо сада	144
Есть тайна несказанная	145
Мечтатель, странный міру.	147
Кругъ начертанъ, и Сивилла	148
Темницы жизни покидая	149
Гляжу на нивы, на деревья	150
Надо мною глубокая печаль	151
Къ толпѣ непонятной и зыбкой	152

	СТР.
Надъ усталую пустыней	153
Въ тишинѣ бездыханной ночной	154
Еслибъ я быть къ счастью приневоленъ	155
За мельканьемъ волшебныхъ узоровъ	156
Снова сердце жаждетъ воли	157
Тихо сумракъ набѣгаетъ	158
Прикасясь холодной рукой	159
Грустная свѣтитъ луна	160
Въ путь пора—ладья готова	161
Мимолетной лаской мая	162
Мечтою небомъ и землей	163
Слабѣютъ яростныя стрѣлы	164
Ты незамѣтно проходила	165
Я зажгу восковую свѣчу	166
Что селенія наши убогя	167
Имена твои не ложны	168
Въ мерцаньи звѣздъ нисходитъ на меня	170
Звѣзды привѣтствуйте брата	172
Что вчера пробѣгало во мнѣ	173
Къ долинѣ мрачной, подъ огнями	174
Ты печально мерцала	175
Звѣзда Маиръ сіяетъ надо мной	176
На Ойле далекой и прекрасной	177
Все, чего намъ здѣсь недоставало	178
Мы скоро съ тобою	179
Мой прахъ истлѣетъ понемногу	180
Безстрастенъ свѣтъ съ Маира	181
Когда звенятъ согласныя напѣвы	182
Часъ ночной отраденъ	183
Ты не заснула до утра	184
Въ бѣдной хатѣ въ Назаретѣ	185

	СТР.
Заря заряница	187
Путь мой трудный, путь мой длинный	191
Гдѣ грустятъ лѣса дремливые	192
Возставилъ Богъ меня изъ влажной глины.	194
Сіяя счастьемъ самохвальнымъ	195
Какія-то свѣтлыя дѣвы	196
Камышъ качается	197
Я люблю мою темную землю	199
Чернѣетъ лѣсъ по берегамъ	200
Затаился въ травѣ и лежу	201
Все хочеть пѣть и славить Бога.	202
Какіе слабые цвѣты	203
По жестокимъ путямъ бытія	204
Люблю мое молчанье	205
Есть соотвѣтствія во всемъ	207
Постройте чертогъ у потока	208
На меня ползли туманы	209
Благословляю, жизнь моя	211
Широкія улицы прямы	212
Дѣти радостей и свѣта.	213
О, жизнь моя безъ хлѣба	214
Стальная рѣшетка	215
Я люблюсь людскою красотой	216
Ты ко мнѣ приходила не разъ	217
Ты ничего не говорила.	218
Засмѣешься-ли ты, мнѣ не весело	219
Я напрасно хочу не любить	220
Подъ звучными волнами	221
Для чего говорить! Холодны	223
Оболюю горячей кровью	224
Близъ одинокой избушки	225